

ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Каменный
убийца

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз,
исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке,
спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Каменный убийца

«Азбука-Аттикус»

2008

Пенни Л.

Каменный убийца / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус»,
2008 — (Звезды мирового детектива)

Роман «Каменный убийца» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. В самый разгар лета старший инспектор Арман Гамаш и его супруга Рейн-Мари приезжают в уединенную гостиницу в лесной глуши, чтобы отдохнуть и отпраздновать очередную годовщину их свадьбы. Но отдохнуть, как всегда, не получается: в этом благословенном уголке Канады происходит убийство. Жертва – один из членов семейства Финни, богатых, уважаемых людей, которые собрались здесь, чтобы почтить память давно умершего родственника. Обстоятельства убийства настолько загадочны, что поначалу следствие заходит в тупик. И лишь поняв, что корни преступления уходят в далекое прошлое, Гамаш и его команда начинают разбираться в этом хитросплетении давно похороненных секретов и ненависти, спрятанной за вежливыми улыбками.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвертая	32
Глава пятая	39
Глава шестая	45
Глава седьмая	53
Глава восьмая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Луиза Пенни

Каменный убийца

В память о моих родителях и с любовью к ним

Louise Penny
A RULE AGAINST MURDER
Copyright © 2008 by Louise Penny
All rights reserved

© Г. Крылов, перевод, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА ®

* * *

ЛУИЗА ПЕННИ – канадская писательница, автор серии детективов об Армане Гамаше, старшем инспекторе отдела убийств полиции Квебека (в настоящее время вышло 11 романов). Уже первое ее произведение, «Убийственно тихая жизнь», завоевало несколько престижных премий в области детективной литературы, в том числе премию «John Creasy New Bloody Dagger». Каждый последующий ее роман мгновенно становился бестселлером. Пенни – первый автор, пять раз получивший премию «Agatha Award».

Гамаш – удивительно сложный и привлекательный герой, которому суждено стать одним из классических литературных детективов.
Kirkus Reviews

Вы не найдете деревню Три Сосны на карте... хотя Луиза Пенни сделала и саму деревню, и ее жителей столь реальными, что вам захочется непременно отыскать ее.
The Chicago Tribune

Читать романы Луизы Пенни – редкостное удовольствие.
People

Это превосходная детективная история в классическом стиле Агаты Кристи, и она, безусловно, заставит поклонников с нетерпением ожидать продолжения.
Booklist

Пролог

Более столетия назад «бароны-разбойники»¹ открыли озеро Массавипи. Они приехали туда из Монреаля, Бостона, Нью-Йорка и, углубившись в этот медвежий угол Канады, построили огромный дом. Хотя, конечно, они не стали пачкать собственные руки, к которым прилипало нечто совсем иное. Нет, они нанимали людей, носивших имена Зоэтик, Телесфор и Оноре, чтобы те рубили для них густые древние леса. Поначалу квебекцы сопротивлялись, ведь они всю жизнь жили в этих лесах. Они препятствовали уничтожению такой красоты, а некоторые наиболее проникательные предвидели печальный исход. Но деньги делали свое дело, лес постепенно сводился, и росла великолепная «Охотничья усадьба». После нескольких месяцев вырубки, обдирки, зачистки и сушки огромные стволы были водружены один на другой. Изготовление таких домов-срубов было искусством. Но не эстетическими соображениями руководствовались эти люди с точным глазомером и умелыми руками, а уверенностью в том, что зимой мороз убьет обитателей возводимых ими домов, если бревна будут неправильно подобраны. Какой-нибудь *coureur du bois*² мог часами созерцать обработанный ствол громадного дерева, словно расшифровывая его. Этот *coureur du bois*, этот человек леса раз за разом обходил вокруг бревна, присаживался на пенек, набивал трубочку и смотрел, пока ему не становилось понятно, где именно должно находиться данное бревно, пока не сгниет.

На это ушло несколько лет, и наконец большой дом был построен. Последний из строителей стоял на великолепной медной крыше, словно громоотвод, и озирали леса и одинокое манящее озеро с высоты, на какую он уже никогда не поднимется. И если у этого человека было хорошее зрение, то он смог бы разглядеть вдалеке приближение чего-то ужасного, похожего на стрелы летних молний. Оно надвигалось не только на построенный дом, но ровно на то место, где стоял человек на сверкающей металлической крыше. Что-то кошмарное должно было случиться на этом самом месте.

Он и прежде крыл крыши медью, и конструкция всегда была одна. Но на этот раз, когда все остальные считали, что работа уже закончена, он забрался на крышу и обил конек – верхушку крыши. Он не знал, почему сделал это, просто так выглядело красиво и у него возникло ощущение, что так оно и должно быть. К тому же у него остались излишки меди. После этого он снова и снова использовал такую конструкцию на больших зданиях в этой бурно развивающейся местности. Но тот дом был первым.

Забив последний гвоздь, человек медленно, осторожно, осмотрительно спустился.

Получив расчет, работники ушли с тяжестью на сердце, сравнимой с той тяжестью, которая оттягивала их карманы. И, оглядываясь назад, самые проникательные из них отмечали, что творение их рук само по себе немного напоминало лес, только неестественным образом положенный набор.

С самого начала в «Охотничьей усадьбе» было что-то неестественное. Дом был ошеломляюще красивым, окоренные стволы сияли золотистым цветом. Он был сооружен из дерева, обнесен плетнем и стоял на самой кромке воды. Он занимал господствующее положение над озером Массавипи, как «бароны-разбойники» занимали господствующее положение над всем. Эти капитаны промышленности ничего не могли с этим поделать.

---

¹ «Бароны-разбойники» – презрительное прозвище основателей крупных промышленно-финансовых корпораций, сколотивших свои состояния в период первичного накопления капитала во второй половине XIX и начале XX в., в частности в годы Гражданской войны и Реконструкции, причем зачастую при помощи обмана и грубой силы. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Дословно: лесной бегун (*фр.*); в Америке таких людей называли первопроходцами, пионерами.

И раз в год люди, носящие имена Эндрю, Дуглас и Чарльз, покидали свои империи железных дорог и виски, меняли гетры на погрызенные кожаные мокасины и направлялись на каноэ к дому на берегу уединенного озера. Они уставали грабить, им требовалось иное развлечение.

«Охотничья усадьба» была задумана и создана для того, чтобы делать одно – убивать.

Это позволяло им великолепным образом разнообразить жизнь.

Шли годы, и глушь отступала. Лисы и олени, лоси и медведи – все дикие звери, на которых охотились «бароны-разбойники», ушли из этих мест. Абенаки,³ которые нередко доставляли богатых промышленников к громадному дому, состарились и отказались делать это. Рядом начали возникать городки и деревни. Близлежащие озера были открыты владельцами загородных домов и людьми, ищущими, где бы им отдохнуть на выходных.

Но «Охотничья усадьба» осталась. От поколения к поколению менялись владельцы, и постепенно головы давно убитых оленей и лосей и даже редкой пумы исчезли с бревенчатых стен и перекочевали на чердак.

По мере того как истощалось состояние его создателей, истощался и дом. Много лет он стоял заброшенным, слишком большой для единственной семьи и слишком удаленный для того, чтобы превратиться в гостиницу. Когда лес набрался сил и стал предъявлять свои права на дом, кто-то купил это сооружение. Была проведена дорога, повешены занавеси, изгнаны жуки, совы и пауки и приглашены гости. За плату. «Охотничья усадьба» стала одной из лучших auberges⁴ в Квебеке.

И хотя за прошедшее столетие изменилось озеро Массавипи, изменился Квебек, изменилась Канада, изменилось почти все, одна вещь осталась неизменной.

«Бароны-разбойники» вернулись. Они вернулись в «Охотничью усадьбу», чтобы убивать.

---

³ В старой Канаде так называли первопроходцев. *Абенаки* – название индейского племени, обитающего в Северной Америке.

⁴ Гостиница с рестораном (*фр.*).

Глава первая

В начале лета гости прибыли в уединенный дом у озера, куда их призвали одинаковые приглашения, написанные на хорошей бумаге знакомым витиеватым почерком, напоминающим паутину. Эти тяжелые конверты, просунутые в почтовые прорезы, с глухим стуком упали на пол внушительных домов в Ванкувере и Торонто и на дно почтового ящика перед маленьким кирпичным коттеджем в деревне Три Сосны.

Почтальон неторопливо пронес приглашения в своей сумке по этой крохотной квебекской деревеньке. Снимая шапку и обтирая потный лоб, он думал, что по такой жаре лучше не переутомлять себя. Благодаря профсоюзу у почтальона были послабления. Но истинная причина его неторопливости была не в жарком сияющем солнце, а кое в чем более приватном. Ему всегда хотелось подольше задержаться в Трех Соснах. Он медленно прошел мимо многолетних розовых кустов, лилий и отважной, упорной наперстянки. Помог ребятишкам найти лягушек у пруда на деревенском лугу. Потом сел на теплую ограду из плитняка и некоторое время наблюдал за деревней, живущей своей жизнью. Это увеличивало его рабочий день, и он последним возвращался в почтовое отделение. Товарищи подшучивали над ним за его медлительность, и он подозревал, что именно по этой причине он так и не получил повышения. Два десятилетия, а то и больше он работал не спеша. Не неся, а прогулочным шагом шел по Трех Соснам, заговаривал с людьми, выгуливавшими собак. Нередко выпивал с ними стаканчик лимонада или *thé glacé*⁵ у бистро. А зимой – кофе с молоком перед пылающим огнем в камине. Иногда жители деревни, зная, что он зашел поесть в бистро, сами приходили туда и забирали свою почту. Болтали с ним минуту-другую. Он приносил новости из других деревень, лежащих на его пути, словно бродячий менестрель Средневековья, приносивший известие о чуме, или войне, или потопе, случившихся в каких-то далеких краях. Но никогда здесь, в этой милой и мирной деревне. Почтальону всегда было забавно представлять, что Три Сосны, угнездившиеся среди гор и окруженные канадскими лесами, изолированы от внешнего мира. Ощущение такое неизменно возникало. И он получал от этого удовольствие.

А поэтому и не спешил. В тот день он держал в потной руке пачку конвертов, надеясь не замарать идеальную, изящную бумагу верхнего из них. Потом его внимание привлек почерк, и он еще больше замедлил шаг. Он работал почтальоном не одно десятилетие и понимал, что доставляет нечто большее, чем письмо. За годы службы он разбросал по своему маршруту много бомб. Хорошие новости: рождение детей, выигрыши в лотерею, смерть дальней родственницы, оставившей богатое наследство. Но он был добрый и понятливый человек, а потому знал, что доставляет и плохие вести. У него сердце разрывалось, когда он думал о том горе, что приносит в дома, в особенности в этой деревеньке.

Он знал, что сейчас держит в руке нечто такое. И даже больше. Его уверенность основывалась не на одной лишь телепатии, но еще и на подсознательном умении разбираться в почерках. Не только в словах, но и в скрытом в них тайном смысле. Простой, обычный адрес из трех строк на конверте говорил ему многое, помимо того, куда нужно доставить письмо. Он видел, что адрес написан старой, дрожащей рукой. Искалеченной не только возрастом, но и гневом. Это письмо не несло адресату ничего хорошего. И почтальону вдруг захотелось избавиться от него.

Он собирался заглянуть в бистро, выпить холодного пивка и съесть сэндвич, поболтать с хозяином заведения – Оливье, подождать, не придет ли к нему кто-нибудь за почтой. Но внезапно его словно переполнила энергия. Удивленные обитатели деревни увидели нечто необычное – спешащего почтальона. Он остановился, развернулся и быстрой походкой направился

---

⁵ Охлажденный чай (*фр.*).

к ржавому почтовому ящику перед кирпичным коттеджем, выходящим на деревенский луг. Почтальон приоткрыл козырек ящика, и тот издал скрежещущий звук. Почтальон не мог его в этом винить. Он быстро сунул в щель письмо и закрыл крикливый козырек. Его удивило, что выдавшая виды металлическая коробка не рыгнула и не выплюнула из себя злосчастное послание. Он давно уже привык смотреть на доставляемые им письма как на нечто живое, а на почтовые ящики – как на любимых домашних зверьков. И он сделал нечто ужасное с этим конкретным ящиком. И с этими людьми.

* * *

Будь у Армана Гамаша завязаны глаза, он бы все равно знал, где находится. Все дело было в запахе. Эта смесь дымка, аромата старых книг и жимолости.

– Monsieur et Madame Gamache, quel plaisir.⁶

Клементин Дюбуа вышла из-за стойки портье в «Охотничьей усадьбе». Кожа, словно крылья, свисала с ее вытянутых в приветственном жесте рук и подрагивала, отчего Клементин по мере приближения становилась похожей на птицу или состарившегося ангела. Рейн-Мари Гамаш двинулась ей навстречу, тоже раскинув руки без малейшей надежды объять эту необъятную женщину. Они обнялись и поцеловались в обе щеки. После того как мадам Дюбуа обменялась объятиями и поцелуями с Арманом Гамашем, она отступила назад и оглядела пару. Рейн-Мари была невысокой, в меру полной женщиной средних лет с седеющими волосами. Ее лицо говорило о том, что она живет насыщенной жизнью. Она выглядела миловидной, не будучи красавицей. То, что французы называют *soignée*.⁷ На ней была сшитая на заказ темно-синяя юбка миди и накрахмаленная белая блузка. Простая, изящная, классическая одежда.

Мужчина был высок и атлетически сложен. Ему было лет пятьдесят пять, но он не начал полнеть – весь его вид свидетельствовал о жизни, прожитой с хорошими книгами, хорошей пищей и в неторопливых прогулках. Он напоминал университетского профессора, хотя Клементин Дюбуа знала, что никакой он не профессор. Волосы его поредели, и прежняя волнистая темная шевелюра обернулась просвечивающей лысиной на макушке и седыми прядями, закрывающими уши и спускающимися до воротника. Он был чисто выбрит, но носил аккуратные усы. На нем был темно-синий пиджак, широкие брюки защитного цвета и голубая рубашка с галстуком. Выглядел он, как всегда, безупречно, даже в этот июньский день, когда набирала силу жара. Но самым удивительным были его глаза. Вдумчивые, карие, дружелюбные. Спокойствие было так же свойственно ему, как другим мужчинам запах туалетной воды.

– Но у вас усталый вид.

Большинство содержателей гостиниц воскликнули бы: «Вы прекрасно выглядите!» Или: «Mais, voyons,⁸ вы двое не меняетесь!» Или даже: «Вы словно помолодели!» Кому, как не владельцам гостиниц, знать, что для старых ушей нет ничего приятнее этих слов.

Конечно, уши Гамашей еще нельзя было назвать старыми, но вот устали они точно. Год был долгий, и их уши слышали много такого, что никак не доставляло им удовольствия. И Гамаша, как всегда, приехали в «Охотничью усадьбу», чтобы забыть обо всем этом. Если весь мир праздновал новый год в январе, то Гамаша праздновали его в середине лета, когда приезжали в это благословенное место и скрывались от мира, чтобы потом начать с чистой страницы.

– Мы немного устали, – признала Рейн-Мари, с удовольствием усаживаясь в удобное большое кресло у стойки портье.

---

⁶ Месье и мадам Гамаш, как я вам рада (*фр.*).

⁷ Ухоженная (*фр.*).

⁸ Здесь: но послушайте (*фр.*).

– Вон,⁹ что ж, мы об этом позаботимся. Немедленно. – Мадам Дюбуа грациозно удалилась за стойку и уселась на собственный удобный стул. Она пододвинула к себе журнал и надела очки. – Куда мне вас поместить?

Арман Гамаш сел в кресло рядом с женой, и они переглянулись. Они знали, что если пролистать назад страницы этого журнала, то они увидят там свои подписи, которые появлялись в журнале каждый год вот уже на протяжении более чем тридцати лет, начиная с того июньского дня, когда молодой Арман, накопив деньги, привез сюда Рейн-Мари. На одну ночь. Они поселились тогда в самом маленьком из номеров в задней части великолепного старого дома. Без вида на горы, или озеро, или многолетний сад с буйно расцветающими пионами и только-только распустившимися розами. Гамаш несколько месяцев экономил деньги, чтобы эта поездка стала чем-то особенным. Он хотел, чтобы Рейн-Мари узнала, как сильно он ее любит, как важна она для него.

Вдыхая сладкие запахи леса, тимьяна с кухни и сирени, чуть ли не зримо проникавшие в комнату через москитную сетку на окне, они впервые познали друг друга. И самым сладким запахом была она, свежая и теплая в его сильных объятиях. Той ночью Гамаш написал ей любовное письмо. Он осторожно укрыл ее белой простыней и сел в тесное кресло-качалку, хотя раскачиваться не стал, опасаясь, что ударится о стену сзади или разобьет колени о кровать и разбудит Рейн-Мари. Он просто сидел и смотрел, как она дышит. Потом стал писать на фирменном бланке «Охотничьей усадьбы»:

*Моя любовь не знает...
Как бесконечна бывает любовь...
Мои сердце и душа ожили...
Моя любовь к тебе...*

Он писал всю ночь, и на следующее утро Рейн-Мари обнаружила послание, прилепленное к зеркалу в ванной:

Я тебя люблю.

Клементин Дюбуа уже тогда была здесь, крупная, с походкой вразвалочку и улыбающаяся. Она и тогда была немолода, и Гамаш каждый год опасался, что вот позвонит он, чтобы забронировать номер, и услышит незнакомый ломкий голос: «Bonjour, Manoir Bellechasse. Puis-je vous aider?»¹⁰ Но вместо этого он слышал: «Месье Гамаш, как я рада! Надеюсь, вы опять собираетесь к нам?» Это было сродни поездке к бабушке. Хотя и самой крупной из бабушек, каких он когда-либо знал.

И если Гамаш и Рейн-Мари явно изменялись – женились, родили двух детей, сами стали бабушкой и дедушкой, то Клементин Дюбуа не старела и не уменьшалась в размерах. Как и ее любовь – «Охотничья усадьба». Они словно слились в одно, оба были исполнены доброты и любви, гостеприимства и доброжелательства. Они таинственным образом и восхитительно не изменялись в мире, который менялся с сумасшедшей скоростью. И не всегда к лучшему.

– Что-то случилось? – спросила Рейн-Мари, заметив выражение лица мадам Дюбуа.

– Наверное, я старею, – сказала та и подняла голову.

Ее темные глаза выражали озабоченность. Гамаш ободряюще улыбнулся. По его подсчетам, ей стукнуло по меньшей мере сто двадцать лет.

– Если у вас нет номеров, не волнуйтесь. Мы можем приехать и в другую неделю, – сказал он.

---

⁹ Ладно (*фр.*).

¹⁰ Добрый день, говорит «Охотничья усадьба». Чем могу вам помочь? (*фр.*)

«Охотничья усадьба» находилась всего в двух часах езды по Восточным кантонам Квебека от их дома в Монреале.

– Нет-нет, номер у меня есть, но я надеялась, что будет что-нибудь получше. Когда вы бронировали номер, мне нужно было оставить для вас Озерный – тот, что вы снимали в прошлом году. Но у нас все занято. Одна семья – Финни – сняла пять остальных номеров. Они здесь...

Она вдруг замолчала и опустила глаза в журнал. Это было так нехарактерно для нее, что Гамаш переглянулись.

– Они здесь?.. – проговорил Гамаш, почувствовав, что молчание затянулось.

– Ну, это не имеет значения, времени еще много, – сказала мадам Дюбуа и, подняв на них взгляд, успокаивающе улыбнулась. – И все же извините, что я не оставила для вас лучший номер.

– Если бы мы так уж хотели Озерный номер, то должны были его и заказать, – откликнулась Рейн-Мари. – Вы же знаете Армана с его трепетным влечением к неопределенности. Дикий человек.

Клементин Дюбуа рассмеялась, потому что это было вовсе не так. Она знала, что Гамаш каждый день своей жизни проживал с изрядной долей неопределенности. И именно поэтому ей очень хотелось, чтобы они каждый год приезжали в эту гостиницу, с ее роскошью и удобствами. И покоем.

– Мы никогда не просим конкретный номер, мадам, – сказал Гамаш низким дружелюбным голосом. – И знаете почему?

Мадам Дюбуа отрицательно покачала головой. Ей всегда было любопытно, но она все же остерегалась подвергать своих гостей перекрестному допросу. В особенности этих.

– Все остальные просят, – сказала она. – А эта конкретная семья еще и потребовала бесплатного улучшения класса. Приехали на «мерседесах» и «БМВ» и потребовали улучшения.

Она улыбнулась, но беззлобно, просто недоумевая, почему люди, у которых и без того есть все, хотят получить еще что-то бесплатно.

– Мы предпочитаем оставлять это на выбор судьбе, – ответил Гамаш на свой вопрос (и мадам Дюбуа внимательно взглядела в его лицо – не шутит ли он, но решила, что, вероятно, не шутит). – Мы совершенно довольны тем, что имеем.

И Клементин Дюбуа поняла, что это правда. Она чувствовала то же самое. Она просыпалась каждое утро, удивляясь, что еще жива, что видит еще один день в этом старом доме на сверкающем берегу озера с кристально чистой водой, в окружении лесов, ручьев, садов и гостей. Здесь был ее дом, а постояльцы становились для нее чем-то вроде семьи. Хотя мадам Дюбуа по своему горькому опыту знала, что не всегда в твоих силах выбрать – или любить – собственную семью.

– Прошу. – Она сняла с длинной цепочки старый медный ключ. – Лесной номер. К сожалению, он в задней части дома.

Рейн-Мари улыбнулась:

– Мы знаем, где этот номер, merci.¹¹

* * *

Дни неспешно сменяли друг друга. Гамаш плавали в озере, гуляли в благоухающем ароматами лесу. Они читали, болтали о том о сем с другими постояльцами, понемногу знакомились с ними.

---

¹¹ Спасибо (*фр.*).

Еще несколько дней назад они и не подозревали о существовании Финни, но в этой уединенной гостинице стали чуть ли не приятелями. Как опытные путешественники на круизном лайнере, гости не слишком отдалялись друг от друга, но и не слишком сближались. Они даже не знали, чем другие зарабатывают на жизнь, и это вполне устраивало Армана Гамаша.

День катился к вечеру, и Гамаш наблюдал за пчелкой, которая никак не могла насытиться нектаром особенно пышной розы, как вдруг его привлекло какое-то движение. Он повернулся в шезлонге и увидел, что из дома на жаркое солнце вышли Томас, сын старших Финни, и его жена Сандра. Сандра подняла тонкую руку и надела громадные солнцезащитные очки, отчего стала похожа на муху. В этом месте она казалась инопланетянкой и уж никак не человеком в привычной среде обитания. По предположениям Гамаша, ей было под шестьдесят или немногим за шестьдесят, хотя она пыталась выдавать себя за женщину гораздо более молодую. Забавно, подумал он, что крашенные волосы, густой слой косметики и молодежная одежда делают человека старше его лет.

Они вышли на лужайку. Подошвы Сандры легко ступали по траве. Супруги остановились, словно в ожидании аплодисментов. Но Гамаш слышал только один звук – жужжание пчелы: ее крылышки производили приглушенный трескучий звук близ цветка розы.

Томас стоял на вершине небольшого холма, спускающегося к озеру, – ни дать ни взять адмирал на капитанском мостике. Его пронзительные голубые глаза оглядывали воду – настоящий Нельсон при Трафальгаре. Гамаш вдруг понял, что каждый раз, когда он видел Томаса, в голову ему приходили мысли о человеке, который готовится к сражению. В свои шестьдесят с небольшим Томас Финни был, безусловно, красив. Высокий и видный, с седыми волосами и благородными чертами лицами. Но за те несколько дней, что они соседствовали в гостинице, Гамаш отметил у этого человека и склонность к иронии, и спокойное чувство юмора. Томас был самоуверенный и высокомерный, но, казалось, отдавал себе отчет в этом и мог посмеяться над собой. Это ему шло, и Гамаш вдруг обнаружил, что начинает прикипать сердцем к этому человеку. Впрочем, в такую жару можно было прикипеть к чему угодно, в особенности к старому номеру журнала «Лайф», типографская краска которого отслаивалась в потных руках Гамаша. Он посмотрел на свою ладонь и увидел на ней вытатуированное слово «Лайф» в зеркальном отражении.

Томас и Сандра прошли мимо престарелых родителей Томаса, удобно расположившихся на веранде под крышей. Гамаш еще раз удивился способности членов этой семьи не замечать друг друга. Взглянув поверх своих полукруглых очков, он увидел, как Томас и Сандра оглядели людей, расположившихся в саду и на берегу озера. Джулия Мартин, старшая из сестер, но на несколько лет моложе Томаса, сидела в одиночестве на пристани в кресле-лежаке и читала. На ней был простой белый купальник. В свои пятьдесят с гаком она была стройной и сияла, как медный таз, будто приняла ванну из кулинарного жира и теперь поджаривалась на солнце; Гамаш поморщился, представив себе, как начинается трескаться ее кожа. Время от времени Джулия опускала книгу и смотрела на спокойное озеро. Думала. Гамаш знал о Джулии Мартин достаточно, чтобы понимать: ей есть о чем задуматься.

На лужке перед озером расположились остальные члены семейства – младшая сестра Мариана и ее чадо Бин. Если Томас и Джулия были стройными и привлекательными, то Мариана – невысокой, толстой и, безусловно, уродливой. Она словно была отрицательным полюсом рядом с их положительным. Ее одеяния явно имели зуб на свою хозяйку, потому что либо соскальзывали с нее, либо неловко закручивались, отчего Мариане приходилось постоянно их поправлять, подтягивать, разглаживать.

А вот ее чадо Бин было удивительно красиво: длинные светлые волосы, почти до белизны выжженные солнцем, бархатные темные ресницы и сияющие голубые глаза. В этот момент Мариана вроде бы занималась китайской дыхательной гимнастикой, хотя движения были ее собственного изобретения.

– Детка, посмотри – журавль. Твоя мамочка – журавль!

Полная женщина встала на одну ногу, подняв руки к небу и до предела вытянув шею.

Десятилетнее чадо Марианы проигнорировало мамочку и продолжило чтение. Гамаш подумал, что для ребенка такое времяпрепровождение – скука смертная.

– Это самая трудная позиция, – сказала Мариана громче, чем требовалось, почти удушая себя одним из своих шарфов.

Гамаш уже успел заметить, что Мариана начинала заниматься дыхательной гимнастикой, йогой, медитацией, боевыми искусствами, только когда появлялся Томас. Интересно, чего она хочет: произвести впечатление на старшего брата или смутить его?

Томас мельком взглянул на пухлого, грозящего рухнуть на землю журавля и повел Сандру в другом направлении. Они нашли два стула в удалении от других.

– Ты за ними шпионишь? – спросила Рейн-Мари.

Опустив книгу, она смотрела на мужа.

– Шпионю – слишком сильно сказано. Наблюдаю.

– Не пора ли тебе прекратить? – Секунду спустя она добавила: – Что-нибудь интересное?

Гамаш рассмеялся и отрицательно покачал головой:

– Ничего.

– И все же странное какое-то семейство, – сказала Рейн-Мари, оглядев сидевших каждый сам по себе членов семейства Финни. – Прodelьывают такой долгий путь, чтобы увидеться, а после не замечают друг друга.

– Могло бы быть и хуже, – ответил Гамаш. – Они могли бы начать убивать друг друга.

Рейн-Мари рассмеялась:

– Они никогда не приближаются друг к другу, так что это вряд ли возможно.

Гамаш согласно хмыкнул, с радостью осознавая, что ему это все равно. Это была их проблема, не его. И потом, проведя несколько дней в обществе Финни, он в каком-то смысле привык к ним.

– *Votre thé glacé, madame.*¹² – Молодой человек говорил по-французски с приятным англо-канадским акцентом.

– *Merci, Элиот.* – Рейн-Мари загородила рукой глаза от солнца и улыбнулась официанту.

– *Un plaisir.*¹³

С сияющей улыбкой он передал Рейн-Мари высокий стакан охлажденного чая, а Гамашу – запотевший стакан лимонада, после чего отправился разносить напитки другим гостям.

– Помню время, когда я был таким же молодым, – задумчиво произнес Гамаш.

– Таким же молодым ты, вероятно, был, но ты никогда не был таким же... – Она кивнула в сторону Элиота, который спортивным шагом шел по стриженому лужку в строгих черных брюках и коротком белом пиджаке, обтягивающем его гибкое тело.

– Боже мой, неужели мне придется отбивать тебя еще у одного ухажера?

– Возможно.

Он взял ее за руку:

– Ты же знаешь, я бы это сделал.

– Я знаю, что ты бы этого не сделал. Ты бы заговорил его до смерти.

– Что ж, это стратегия. Сокрушил бы его моим могучим интеллектом.

– Могу себе представить его ужас.

Гамаш пригубил лимонад и внезапно сморщился, из его глаз потекли слезы.

– Ах, – заметила Рейн-Мари, глядя на его моргающие, слезящиеся глаза и перекошенное лицо, – ну какая женщина смогла бы сопротивляться этому?

---

¹² Ваш охлажденный чай, мадам (*фр.*).

¹³ Рад услужить (*фр.*).

- Сахара. В лимонаде не хватает сахара, – выдохнул Гамаш.
- Сейчас позову официанта.
- Не надо. Я сам.

Он закашлялся, бросил на нее шутивно-строгий взгляд и поднялся с низкого удобного сиденья.

Взяв свой лимонад, он пошел по тропинке из душистого сада на широкую затененную веранду, где было прохладнее, – спасение от жаркого дневного солнца. Берт Финни опустил свою книгу и посмотрел на Гамаша, потом улыбнулся и вежливо кивнул.

– Bonjour, – сказал он. – Жаркий день.

– Но я заметил, что здесь прохладнее, – сказал Гамаш, улыбаясь паре стариков, тихо сидевших бок о бок.

Финни был явно старше своей жены. На взгляд Гамаша, ей было лет восемьдесят пять, а ее мужу – под девяносто, и был он почти прозрачный – такое качество приобретают люди перед концом.

– Я иду в дом. Может, вам что-то надо? – спросил он.

И снова подумал о том, что Берт Финни умудряется при всей своей аристократичности быть одним из самых непривлекательных людей, с какими Гамашу приходилось сталкиваться. Он упрекнул себя за поверхностный взгляд на мир, но ничего не смог с собой поделать – глазел на него, как мальчишка. Месье Финни был настолько отвратителен на вид, что становился чуть ли не привлекательным, словно эстетические свойства в его случае замкнулись в круг.

Кожа у него была рябая и красноватая, большой красный нос имел неправильную форму и был испещрен венами, словно месье Финни втянул носом бургундское, которое там и осталось. Его желтые зубы торчали изо рта в разные стороны. Глаза были маленькие и чуть косили. Амблиопия, подумал Гамаш. Прежде это называлось «дурной глаз», и в темные времена за это в лучшем случае изгоняли из порядочного общества, а в худшем – тащили на костер.

Айрин Финни сидела рядом с мужем, одетая в цветастый сарафан. Она была пухленькая, с тонкими седыми волосами, собранными в пучок на затылке, и, поскольку она не поднимала глаз, Гамаш мог ее рассмотреть и заметил, что кожа у нее нежная и белая. Она напоминала мягкую, уютную выцветшую подушку, брошенную возле скалистого обрыва.

– Нам ничего не надо, merci.

Гамаш обратил внимание, что старик Финни единственный в семье пытался хоть немного говорить с ним по-французски.

Температура в «Усадьбе» была еще ниже. Там стояла почти прохлада – такое облегчение зайти сюда в дневную жару. Глазам Гамаша потребовалось несколько секунд, чтобы приспособиться.

Темная кленовая дверь в столовую была закрыта, и Гамаш неуверенно постучал по ней, потом открыл и вошел в помещение, обитое панелями. Официанты готовили столы к обеду, на крахмальных скатертях лежали столовые приборы чистого серебра, стояли тарелки тонкого фарфора и вазы со свежими букетами. Здесь пахло розами, деревом, полиролью и травами. А еще красотой и порядком. Солнечный свет заливал комнату сквозь выходившие в сад окна высотой во всю стену. Окна были закрыты, чтобы не впускать жару и не выпускать прохладу. В «Охотничьей усадьбе» не было кондиционеров, но массивные бревна действовали как естественные изоляторы – они удерживали внутри тепло в самые холодные квебекские зимы и не пускали внутрь жару в самый разгар летнего пекла. Сегодня день был не из самых жарких, градусов двадцать шесть – двадцать семь, по прикидкам Гамаша. Но все же он был благодарен *coureurs du bois*, которые возвели этот дом вручную, подбирая бревна с такой точностью, что ничто нежелательное не могло проникнуть между ними.

– Месье Гамаш.

Пьер Патенод, улыбаясь и вытирая руки о полотенце, вышел к нему навстречу. Он был на несколько лет моложе Гамаша и чуть стройнее. «Это потому, что он носится тут между столами», – подумал Гамаш. Но метрдотель, казалось, никогда не торопился. Он всем успевал уделять время, словно, кроме человека перед ним, в auberge¹⁴ других людей не было. При этом он умудрялся вести себя так, что никому и в голову не приходило, будто он игнорирует или не замечает их. Это был особый дар, свойственный лишь немногим метрдотелям. А «Охотничья усадьба» славилась тем, что все в ней было только наилучшее.

– Чем могу вам помочь?

Гамаш, чуть смущаясь, протянул свой стакан:

– Извините, что беспокою вас, но мне нужно немного сахара.

– Боже мой, я этого и боялся! Похоже, сахар у нас кончился. Я послал одного из гарсонов в деревню, чтобы привез немного. Désolé.¹⁵ Но если вы подождете, мне кажется, я знаю, где шеф-повар Вероника прячет свой неприкосновенный запас. Поверьте, это совершенно из ряда вон выходящее событие!

Самым из ряда вон выходящим было видеть невозмутимого метрдотеля возмущенным.

– Не хочу вас разорять! – крикнул Гамаш вслед удаляющейся спине Патенода.

Минуту спустя метрдотель вернулся с небольшим фарфоровым сосудом в руке.

– Voilà!¹⁶ Успех. Конечно, пришлось отнимать у шеф-повара с боем.

– Я слышал крики. Merci.

– Pour vous, monsieur, c'est un plaisir.¹⁷

Патенод взял лоскут и серебряную вазу для цветов и продолжил полировать ее, а Гамаш принялся размешивать драгоценный сахар в лимонаде. Оба они в дружеском молчании смотрели в окна, выходящие в сад и на озеро, посверкивающее за ним. По водной глади неторопливо скользило каноэ.

– Несколько минут назад я проверил мои приборы, – сказал метрдотель. – Надвигается гроза.

– Vraiment?¹⁸

День был ясный и тихий, но Гамаш, как и все остальные постояльцы, уже научился верить ежедневным прогнозам метрдотеля, которые тот делал на основании показаний метеоприборов собственного изготовления, расположенных в разных точках гостиницы. Это хобби, как признался Патенод, передалось ему от отца.

– Некоторые отцы учат сыновей охотиться или рыбачить. Мой приводил меня в лес и рассказывал о погоде, – поведал он как-то раз Гамашу и Рейн-Мари, показывая им самодельный барометр и стеклянный сосуд, заполненный водой по самую кромку. – Теперь я обучаю их.

Пьер Патенод показал рукой на молодой персонал гостиницы. Гамашу хотелось верить, что им это интересно.

В «Охотничьей» не было телевидения и даже радио принималось плохо, так что прогнозы Канадской метеослужбы сюда не доходили. Только Патенод и его почти мистическая способность предсказывать погоду. Каждое утро, когда они приходили на завтрак, прогноз был приколот к стене рядом с дверями столовой. Канадцы – нация, помешанная на погоде, и он потакал их слабости.

Сегодня Патенод видел за окном тихий день. Ни листика не шевелилось на деревьях.

– Oui. Сначала тепловой фронт, а за ним гроза. Похоже, будет сильная.

---

¹⁴ Ресторан (фр.).

¹⁵ Прошу прощения (фр.).

¹⁶ Ну вот! (фр.)

¹⁷ Для вас, месье, с удовольствием (фр.).

¹⁸ Неужели? (фр.)

– Merci. – Гамаш приветственно поднял стакан с лимонадом, глядя на метрдотеля, и вышел на улицу.

Он любил летние грозы, в особенности когда приезжал в «Охотничью». В отличие от Монреаля, где грозы являлись как снег на голову, здесь он видел их приближение. Над горами собирались темные тучи, потом вдали повисал серый занавес дождя. Он как будто делал глубокий вдох, а затем начинал маршировать, как пехотная шеренга, продвижение которой было четко видно на воде. Ветер набирал скорость, ухватывал и бешено тряс высокие деревья. И наконец наносил удар. Бах! Гроза выла, задувала, бросалась на них, а они с Рейн-Мари в безопасности сидели в «Охотничьей усадьбе».

Он вышел из дома и почувствовал обжигающую жару – не столько стена, сколько удар наотмашь.

– Нашел сахар? – спросила Рейн-Мари, погладив его по щеке, когда он, прежде чем сесть на свое место, наклонился поцеловать ее.

– Absolument.¹⁹

Она вернулась к чтению, а Гамаш хотел было взять «Ле девуар», но его большая рука зависла над заголовками газеты. Возможен еще один референдум о независимости. Война между бандами байкеров. Катастрофическое землетрясение.

Вместо газеты его рука потянулась к стакану с лимонадом. У Гамаша весь год слюнки текли, когда он вспоминал здешний фирменный лимонад: вкус свежий и чистый, приятный и терпкий.

Гамаш почувствовал, как тело его расслабилось. Ему стало легко и приятно. Он снял мягкую шляпу с полями и отер лоб. Влажность увеличилась.

В этой тишине и спокойствии трудно было поверить, что вскоре здесь разразится гроза. Но он ощущал у себя на спине щекочущий ручеек пота. Атмосферное давление повышалось, он чувствовал это, и слова, сказанные метрдотелем, когда Гамаш выходил из столовой, только теперь догнали его:

– Завтрашний день будет убийцей.

---

¹⁹ Безусловно (фр.).

Глава вторая

После освежающего купания и джина с тоником на пристани Гамаша приняли душ и присоединились к другим гостям в столовой. Под стеклянными колпаками горели свечи, и каждый столик был украшен простыми букетами роз. Более пышные цветочные композиции расположились на каминной полке – всплески пионов и сирени, нежно-голубой дельфиниум и великолепная дицентра, известная также под названием «разбитое сердце».

Финни сидели вместе: мужчины в смокингах, женщины в стильных летних платьях для теплого вечера. Чадо Марианы было одето в белые шорты и крахмальную зеленую рубашку.

Гости провожали взглядом солнце, скрывающееся за холмами вокруг озера Массавипи, и наслаждались обедом, начиная с фирменной *amuse-bouche*²⁰ из оленины. Рейн-Мари предпочла улитки с чесноком, после которых подали грудку жареной утки в подливке из дикого имбиря, мандарина и кумквата. Гамаш начал со свежей рукколы с огорода при гостинице и тонко нарезанного пармезана, потом заказал лосося в щавелевом йогурте.

Пьер вытащил бутылку из ведерка и вылил остатки вина в их бокалы.

– Что желаете на десерт?

– А что вы посоветуете? – Рейн-Мари сама не поверила, что спрашивает.

– Для мадам у нас будет мороженое со свежей мятой на эклере с шоколадным кремом, а для месье – пудинг *du chômeur à l'érable avec crème chantilly*.²¹

– Боже мой, – прошептала Рейн-Мари, повернувшись к мужу. – Что там говорил Оскар Уайльд?

– «Я могу противостоять всему, кроме искушения».

Они заказали десерт.

Наконец, когда в них больше уже не лезло, появилась сырная тележка с набором местных сыров, приготовленных в расположенном неподалеку монастыре бенедиктинцев Сен-Бонуа-дю-Лак. Братья вели созерцательную жизнь, выращивали животных, готовили сыры и пели григорианские хоралы такой красоты, что по иронии судьбы они, намеренно удалившиеся от мира, обрели всемирную знаменитость.

Наслаждаясь *fromage bleu*,²² Арман Гамаш смотрел на другой берег озера, где медленно гасло солнечное сияние, словно этот прекрасный день не желал кончаться. Там горел одиночный огонек. Коттедж. Он выглядел не агрессивно, не нарушал чистоту нетронутой природы, напротив, казался гостеприимным. Гамаш представлял себе семью, которая сидит на пристани и наблюдает за падающими звездами, воображал их сельскую гостиную, где они при свете газовых ламп играют в карты или в слова. Конечно, у них есть электричество, но в его фантазиях люди в канадской лесной глуши жили при газовых лампах.

Рейн-Мари откинулась на спинку стула и услышала, как он утешительно затрещал.

– Я сегодня звонила в Париж и говорила с Розлин.

– Все в порядке? – Гамаш уставился на жену, хотя и знал, что, если бы были какие-то проблемы, она сказала бы ему об этом раньше.

– Никогда не было лучше. Осталось два месяца. Ребенка ждут в сентябре. Ее мать приедет в Париж, будет присматривать за Флоранс, когда появится маленький. Но Розлин спрашивает, не хотим ли и мы тоже приехать.

Он улыбнулся. Конечно, они с Рейн-Мари это обсуждали. Им очень хотелось слетать в Париж, увидеть внучку Флоранс, их сына и невестку. Увидеть новорожденного. Думая об этом,

---

²⁰ Закуска к аперитиву (*фр.*).

²¹ Праздничный пудинг с кленовым сиропом и взбитыми сливками (*фр.*).

²² Плесневой сыр (*фр.*).

Гамаш неизменно дрожал от удовольствия. Сама мысль о том, что у его ребенка есть ребенок, казалась ему почти невероятной.

– Они выбрали имя, – небрежно сказала Рейн-Мари.

Но Гамаш знал свою жену, ее лицо, руки, тело, голос. И голос ее изменился.

– Расскажи. – Он отложил сыр и сплел свои большие выразительные руки на белой льняной скатерти.

Рейн-Мари посмотрела на мужа. При всем своем внушительном сложении он мог быть очень спокойным и сдержанным, хотя казалось, что это лишь усиливает впечатление о его силе.

– Если родится девочка, ее назовут Женевьева Мари Гамаш.

Гамаш повторил имя вслух:

– Женевьева Мари Гамаш. Прекрасное имя.

Это имя они будут писать на поздравительных открытках ко дню рождения и Рождеству. Неужели он услышит, как ее маленькие ножки топают по лестнице их дома в Утремоне, как она кричит: «Дедушка, дедушка»? А он назовет ее по имени, поднимет своими сильными руками и прижмет к теплему и безопасному местечку у его плеча, куда он прижимал самых любимых. Будет ли он когда-нибудь гулять с ней и ее сестренкой Флоранс по парку Мон-Руаяль и учить их своим любимым стихам?

Где тот мертвец из мертвецов,
Чей разум глух для нежных слов:
«Вот милый край, страна родная!»²³

Как когда-то учил его отец.

Женевьева.

– А если будет мальчик, то они назовут его Оноре, – сказала Рейн-Мари.

Последовало молчание, потом Гамаш вздохнул и опустил глаза.

– Замечательное имя, Арман, и замечательный жест.

Гамаш кивнул, но ничего не сказал. Он уже спрашивал себя, что будет чувствовать, если это случится. Вообще-то, он подозревал, что так оно и будет, наверное потому, что знал своего сына. Они были так похожи. Высокие, атлетически сложенные, незлобивые. А разве сам он не испытывал желания назвать Даниеля Оноре? До самого дня крещения предполагалось, что мальчик будет зваться Оноре Даниель.

Но в конечном счете он не решился сделать это со своим сыном. Разве в жизни и без того было мало сложностей, чтобы еще идти по ней с именем Оноре Гамаш?

– Он хочет, чтобы ты ему позвонил.

Гамаш посмотрел на часы. Почти десять.

– Позвоню завтра утром.

– И что ты ему скажешь?

Гамаш взял руки жены в свои, потом отпустил их и улыбнулся ей:

– Как насчет кофе с ликером в Большом зале?

Она взглянула ему в глаза:

– Не хочешь прогуляться? Кофе я закажу.

– Merci, mon coeur.²⁴

– Je t'attends.²⁵

---

²³ Из поэмы Вальтера Скотта «Песнь последнего менестреля». Перевод Т. Гнедич.

²⁴ Спасибо, мое сердце (*фр.*).

²⁵ Я тебя жду (*фр.*).

* * *

«Где тот мертвец из мертвецов», – беззвучно прошептал Гамаш, размеренно шагая в темноте. Компанию ему составлял приятный ночной аромат леса, а еще звезды, луна и свет за озером. Семейство в лесу. Семейство его фантазий. Отец, мать, счастливые, цветущие дети.

Ни печалей, ни утрат, ни громкого стука в дверь по ночам.

На его глазах огонек погас, и все по другую сторону озера погрузилось в темноту. Семья мирно заснула.

Оноре Гамаш. Неужели это было так уж неправильно? Неужели его чувства по этому поводу так уж ошибочны? И что он скажет утром Даниелю?

Он задумчиво уставился вдаль. Но через несколько минут вдруг начал ощущать присутствие чего-то в лесу. Какое-то сияние. Он огляделся – нет ли рядом еще кого-нибудь, другого свидетеля. Но ни на террасе, ни в саду никого не оказалось.

Любопытство повлекло Гамаша в ту сторону. Он шел, чувствуя мягкую траву под ногами. Оглянулся и увидел яркие, веселые огни «Усадьбы» и людей,двигающихся в комнатах. Потом снова повернулся к лесу.

В лесу стояла темень, но не тишина. По лесу двигались какие-то существа. Хрустели веточки, с сучков что-то падало и мягко шлепалось о землю. Гамаш не боялся темноты, но, как и большинство благоразумных канадцев, побаивался леса.

Однако что-то белое сияло и манило его, как сирены – Одиссея, и он против воли шел вперед.

Это находилось на самой опушке леса. Гамаш подошел и с удивлением увидел большой идеальный цельный куб, похожий на сахарный. Высотой он доходил до его паха. Гамаш протянул было руку к этому кубу, но отдернул ее. Куб был холодным и немного влажным. Протянув руку еще раз, теперь уже с большей уверенностью, Гамаш положил ее на вершину куба и улыбнулся.

Это был мрамор. «Значит, я испугался мраморного куба», – усмехнулся он, высмеивая себя самого. Не медведя, не пантеры. Ничего, что было бы опасным, и уж явно ничего такого, что могло бы ему угрожать. Но ведь он испугался. Этот куб напомнил ему о чем-то.

– Противные прыщи Питера постоянно прыщавятся.

Гамаш замер.

– Противные прыщи Питера постоянно прыщавятся.

Вот опять.

Он повернулся и увидел фигуру, стоящую посреди лужка. Вокруг нее висела едва заметная дымка, а у носа светилося яркое красное пятнышко.

Джулия Мартин вышла потихоньку выкурить сигарету. Гамаш громко откашлялся и провел рукой по кустарнику. Красная точка тут же упала на землю и исчезла под изящным каблучком.

– Добрый вечер, – весело сказала Джулия, хотя Гамаш сомневался, что она знает, к кому обращается.

– Bonsoir, madame, – ответил Гамаш и слегка поклонился, подойдя к ней.

Изящное вечернее платье подчеркивало стройность ее фигуры. Косметика, маникюр, прическа – все это было на месте даже на опушке леса. Джулия помахала тонкой рукой перед ртом, прогоняя едкий табачный запах.

– Насекомые, – сказала она. – Мошка. Единственная неприятность восточного побережья.

– На западе у вас нет мошки?

– В Ванкувере – почти нет. Разве что слепни на площадке для гольфа. Они меня с ума сводят.

В это Гамаш мог легко поверить – слепни его тоже мучили.

– К счастью, дым отгоняет насекомых, – сказал он, улыбаясь.

Она помолчала, потом хохотнула. Джулия Мартин была легка в общении и смеялась легко. Она прикоснулась к его руке привычным жестом, хотя они и были едва знакомы. Но жест был не навязчивый, просто вошедший в привычку. Наблюдая за ней в предыдущие дни, Гамаш обратил внимание, что она прикасается ко всем. И улыбается всему.

– Вы меня засекли, месье. За курением. Вот уж в самом деле ерунда какая-то.

– Ваша семья этого не одобряет?

– Меня в моем возрасте давно не волнует, что думают обо мне другие люди.

– *C'est vrai?*²⁶ Хотелось бы и мне так.

– Ну, может быть, чуточку и волнует, – признала она. – Я уже давно член этого семейства.

Она посмотрела на здание гостиницы, и Гамаш проследил за ее взглядом. Там, за окном, ее брат Томас, склонившись к матери, что-то говорил ей, а Сандра и Мариана молча глядели на них, не зная, что за ними тоже наблюдают.

– Когда прибыло приглашение, я думала, что не поеду. Понимаете, это ежегодное семейное сборище, но я прежде никогда их не посещала. Ванкувер отсюда так далеко.

Перед ее глазами снова возникло то приглашение на полированном полу за внушительной дверью их дома, куда оно упало словно с немалой высоты. Она знала это чувство. Помнила плотную белую бумагу и знакомые каракули. Это было противостояние двух характеров. Но она знала, кто одержал победу. Кто всегда одерживал победу.

– Не хочу их разочаровать, – тихо сказала Джулия Мартин.

– Я уверен, вы бы не смогли это сделать.

Она повернулась к нему, широко открыв глаза:

– Правда?

Гамаш сказал это просто из вежливости. Он совершенно не знал о взаимоотношениях членов семейства.

Джулия заметила его неуверенность и снова рассмеялась:

– Простите меня, месье. Каждый день, проведенный в кругу моего семейства, я сбрасываю десять лет. Теперь я чувствую себя неловким подростком. Жалкой девчонкой, которая украдкой курит в саду. Вы тоже?

– Курю ли я в саду? Нет, уже много лет не курю. Я тут из любопытства.

– Осторожнее. Мы бы не хотели вас лишиться. – В ее тоне проскользнули игривые нотки.

– Я всегда осторожен, мадам Мартин, – сказал Гамаш тоном, который пресекал любую игривость.

Он подозревал, что флирт – ее вторая, пусть и безобидная, натура. Несколько дней он наблюдал за нею, и она с такими же интонациями разговаривала со всеми: мужчинами, женщинами, родственниками и чужими людьми, собаками, бурундуками, пташками. Она ворковала со всеми.

Его внимание привлекло какое-то движение сбоку. Ему показалось, что он увидел мелькание чего-то белого, и на мгновение сердце его екнуло. Неужели эта мраморная штука ожила? Неужели она пробирается к ним из леса? Он повернулся и увидел фигуру на террасе, тут же исчезнувшую в темноте. Потом фигура появилась снова.

– Элиот, – сказала Джулия Мартин. – Замечательно. Ты принес мой бренди и бенедиктин?

---

²⁶ Неужели? (*фр.*)

– Oui, madame, – ответил молодой официант, протягивая ей серебряный поднос с бокалами. Он повернулся к Гамашу. – А вам, месье? Что принести вам?

Официант казался таким молодым, взгляд у него был такой открытый.

И тем не менее Гамаш знал, что молодой человек прятался в уголке, наблюдая за ними. Почему?

Он тут же посмеялся над собой. Он видит то, чего нет, слышит несуществующие голоса. Он приехал в «Охотничью усадьбу», чтобы забыть об этом, расслабиться, не искать пятен на ковре, ножей в кустах или в спине. Прекратить замечать недоброжелательные интонации, которые вкрадываются в вежливый разговор, прячась за разумными словами. И чувства, уплощенные, упрощенные и превращенные в нечто иное, словно эмоциональное оригами. Внешне не дурные, но скрывающие за собой нечто категорически непривлекательное.

Хватало и того, что он пристрастился смотреть старые фильмы, спрашивая себя, живы ли еще пожилые люди на заднем плане. А если нет, то как они умерли. Но когда он начал глазеть на людей на улице и видеть черепа под кожей, стало ясно, что пора отдохнуть.

Но и оказавшись здесь, в этой тихой гостинице, он разглядывал молодого официанта Элиота и был готов обвинить его в шпионстве.

– Non, merci. Мадам Гамаш заказала нам выпивку в Большой зал.

Элиот удалился, и Джулия проводила его взглядом.

– Привлекательный молодой человек, – сказал Гамаш.

– Вы так считаете? – спросила она.

Ее лица он не видел, но в голосе отчетливо слышались шуточные нотки. Мгновение спустя она заговорила снова:

– Я вспоминала похожую работу – устроилась на нее приблизительно в его возрасте. Такого великолепия, как здесь, там не было. Летняя работа в грязной забегаловке на Мейне в Монреале. Ну, вы знаете, так называется бульвар Святого Лаврентия.

– Да, знаю.

– Конечно знаете. Извините. Это была настоящая дыра. Жалованье минимальное, владелец все время меня лапал. Отвратительно!

Она помолчала.

– Мне нравилось. Это была моя первая работа. Родителям я сказала, что беру уроки в яхт-клубе, но вместо этого садилась на двадцать четвертый автобус, идущий на восток. Незаведанная территория для англичан в шестидесятые годы. Очень смело, – сказала она с самоиронией.

Но Гамаш помнил те времена и знал, что она права.

– До сих пор помню первое жалованье. Принесла домой и показала родителям. И знаете, что сказала моя мать?

Гамаш отрицательно покачал головой, потом, поняв, что она не видит его в темноте, сказал:

– Non.

– Она посмотрела на деньги, вернула их мне и сказала, что я могу гордиться собой. И я гордилась. Но было ясно, что она имела в виду что-то другое. И тогда я сделала глупость. Спросила, о чем она говорит. С тех пор я научилась не задавать вопросы, если не готова к ответу. Она сказала, что наша семья не бедствует и мне не нужны деньги, что я лишая заработка того, кому он действительно нужен. Можно сказать, что я украла их у какой-нибудь бедной девчонки, которой эта работа и в самом деле необходима.

– Очень жаль, – сказал Гамаш. – Я уверен, она не это имела в виду.

– Очень даже имела. И она была права. Я уволилась на следующий день, а потом через окошко наблюдала, как клиентов обслуживает другая девчонка. И чувствовала себя счастливой.

– Нищета может уничтожить человека, – тихо сказал Гамаш. – Но и богатство тоже.

– Я даже завидовала этой девчонке, – сказала Джулия. – Знаю, что это глупо. Романтика. Ее жизнь наверняка была ужасной. Но я думала, что, по крайней мере, она живет собственной жизнью. – Она рассмеялась и пригубила из бокала. – Прекрасно. Как вы думаете, этот ликер готовят монахи?

– Бенедиктинцы? Нет, не знаю.

Она рассмеялась:

– Мне редко доводится слышать эти слова.

– Какие?

– «Я не знаю». Моя семья всегда знает. Мой муж всегда знает.

В течение нескольких дней они обменивались вежливыми замечаниями о погоде, саде и еде в «Усадьбе». Это был его первый настоящий разговор с одним из членов семьи, и за все это время она впервые упомянула своего мужа.

– Я приехала в «Усадьбу» несколькими днями ранее. Чтобы...

Она запнулась и замолчала. Гамаш ждал. Его время и терпение не имели границ.

– Я развожусь. Не знаю, известно ли вам.

– Да, я слышал об этом.

Об этом слышало большинство канадцев. Джулия Мартин была замужем за Дэвидом Мартином, чей впечатляющий успех и не менее впечатляющее падение безжалостно освещалось в прессе. Он был одним из богатейших канадцев – заработал состояние в страховом бизнесе. Падение началось несколько лет назад. Оно было долгим и мучительным, как скольжение по грязевому склону. В каждое отдельное мгновение казалось, что ему удастся остановиться, но вместо этого он набирал грязь, слизь и скорость. В конце даже его враги не могли смотреть на это без боли.

Он потерял все, включая и свободу.

Но рядом с ним стояла его жена. Стройная, элегантная, благородная. Ей удавалось не возбуждать в людях зависть к ее очевидному богатству, напротив, она умела внушать к себе любовь. Люди симпатизировали ее добродушию и разумным замечаниям. Для них она была образцом достоинства и преданности. И наконец они восхитились ее публичными извинениями, когда стало ясно, что ее муж лгал всем и разорил десятки тысяч людей. И она пообещала вернуть эти деньги.

Теперь Дэвид Мартин находился в заключении в Британской Колумбии, а Джулия Мартин вернулась домой. Она собирается жить в Торонто, сообщила она прессе, перед тем как исчезнуть. Но вот она обнаружилась здесь. В лесной глуши Квебека.

– Я приехала сюда перевести дыхание перед тем, как соберется вся семья. Я люблю побыть наедине с собой, чтобы мне никто не мешал. Мне этого не хватало.

– Je comprends,²⁷ – сказал Гамаш. Он и в самом деле понимал. – Но есть кое-что, чего я все же не понимаю, мадам.

– И чего именно? – с легкой настороженностью спросила она, как женщина, привыкшая к назойливым вопросам.

– Противные прыщи Питера постоянно прыщавятся? – спросил Гамаш.

Она рассмеялась:

– Это игра, в которую мы играли детьми.

Гамаш видел половину ее лица, освещенную янтарным сиянием из окон гостиницы. Они стояли молча, глядя, как люди перемещаются из комнаты в комнату. Впечатление было такое, будто они смотрят пьесу. Сцена была красиво освещена, в разных ее частях были установлены обитаемые декорации. Актеры двигались по сцене.

---

²⁷ Понимаю (фр.).

Он снова взглянул на свою собеседницу и не мог не задаться вопросом: почему вся семья находится там, словно ансамбль на сцене, а она вне дома, одна в темноте, наблюдает?

Все собрались в Большом зале с высоким бревенчатым потолком и великолепной мебелью. Мариана подошла к пианино, но мадам Финни движением руки прогнала ее.

– Бедняжка Мариана! – рассмеялась Джулия. – Ничто не меняется. Маджилле никогда не дают поиграть. Музыкантом в семье считается Томас. И мой отец, который был талантливым пианистом.

Гамаш перевел взгляд на старика, сидящего на диване. Неужели эти корявые пальцы могут быть источником прекрасной музыки? Впрочем, они ведь не всегда были такими искореженными.

Томас сел на стул, опустил руки на клавиатуру, и в ночном воздухе зазвучала музыка Баха.

– Он великолепный музыкант, – сказала Джулия. – Я и забыла.

Гамаш согласился с ней. В окне он увидел Рейн-Мари – она села, и официант поставил перед ней два эспрессо и коньяк. Гамашу захотелось вернуться.

– Еще не вся компания собралась.

– Правда?

Она пыталась говорить беспечным голосом, но Гамашу показалось, что в нем слышатся тревожные нотки.

Рейн-Мари размешивала кофе, перед этим она повернулась и посмотрела в окно. Гамаш знал, что она не может его увидеть. Только отражение комнаты в стекле.

«Вот он я, – прошептал его внутренний голос. – Здесь».

Она повернулась еще раз и посмотрела точно на него.

Конечно, это было совпадением. Но та его часть, которую не интересовала логика, знала: Рейн-Мари услышала его.

– Завтра приезжает мой младший брат Спот. Возможно, привезет свою жену Клер.

Он впервые слышал из уст Джулии Мартин что-то неприятное, досадное. Слова были нейтральные, информативные. Но тон говорил сам за себя.

Тон был исполнен страха.

Они вернулись в «Охотничью усадьбу», и, открывая сетчатую дверь для Джулии Мартин, Гамаш краем глаза увидел мраморную глыбу в лесу. Он увидел лишь мраморный уголок и понял, что он ему напоминает.

Надгробный камень.

Глава третья

Пьер Патенод подошел к распашным кухонным дверям и толкнул их в тот момент, когда из комнаты донесся взрыв смеха. Смех прекратился, как только появился Пьер, и он не мог сообразить, что расстроило его сильнее – смех или то, что он резко прервался.

В центре комнаты стоял Элиот, уперев одну руку в бок, а другую приподняв, его указательный палец был прям и неподвижен, выражение на лице озабоченное и кислое. Это была удивительно точная карикатура на одного из гостей.

– Что происходит?

Пьеру не понравилась строгая нотка неодобрения в собственном голосе. И ему не понравилось выражение на их лицах. Страх. У всех, кроме Элиота. Тот выглядел довольным.

Персонал никогда прежде не боялся Пьера, да и сейчас у них не имелось для этого никаких оснований. Все дело было в Элиоте. Он появился и стал настраивать остальных против метрдотеля. Пьер чувствовал это. Если раньше он занимал главенствующее положение среди персонала «Усадьбы», был их уважаемым лидером, то теперь неожиданно почувствовал себя аутсайдером.

Как молодой парень добился этого?

Впрочем, Пьер знал как. Мальчишка разбудил в нем, в Пьере, худшие качества. Он третировал метрдотеля, поддевал его, нарушал правила, вынуждал Пьера быть солдафоном, каким тот вовсе не хотел быть. Весь остальной молодой персонал был обучаем, готов слушать и учиться, благодарен за организацию работы и подсказки метрдотеля. Он учил их уважать гостей, быть вежливыми и добрыми даже перед лицом грубости. Он говорил им, что гости платят хорошие деньги, а потому их нужно облизывать. Но не только. Они приезжают в «Усадьбу», чтобы получить здесь надлежащий уход.

Иногда Пьер чувствовал себя врачом «скорой помощи». К его дверям приходили люди, искалеченные городской жизнью, таща за собой заботы этого мира. На их плечах лежал слишком тяжелый груз требований, вечного дефицита времени, слишком большого числа счетов для оплаты, электронных писем, встреч, телефонных звонков, слишком малого числа благодарностей и слишком сильного, чрезмерного давления. Он помнил собственного отца, который приходил с работы выжатый как лимон.

Здесь, в «Охотничьей усадьбе», они выполняли не лакейскую работу, Пьер знал это. Их работа была благородной и важной. Они возвращали людей к жизни. Хотя некоторые из гостей приезжали более надломленные, чем другие.

Не все были созданы для такой работы.

Элиот явно не был создан.

– Да я просто немного пошутил.

Элиот сказал это так, словно не было ничего неразумного в том, что он стоял посреди набитой людьми кухни и высмеивал гостей, а вот метрдотель как раз и был человеком неразумным. Пьер почувствовал, как в нем закипает гнев. Он оглянулся.

Большая старая кухня была естественным местом сбора для персонала. Здесь были даже садовники – пришли съесть кекс, выпить чаю или кофе. И они тоже стали свидетелями его унижения этим девятнадцатилетним мальчишкой. «Он молод, – сказал себе Пьер. – Он молод». Но он произносил эти слова так часто, что они утратили всякий смысл.

Он знал, что лучше не обращать на это внимания.

– Ты высмеивал гостей.

– Только одну. Да ведь она такая смешная! «Excusez-moi,²⁸ но я думаю, ему дали больше кофе, чем мне. Excusez-moi, но вы уверены, что это лучшее место? Excusez-moi, я не хочу показаться склочной, но я сделала заказ раньше. Где мои салатные стебельки?»

Смешки заполнили теплую кухню, но быстро смолкли.

Имитация была хорошая. Метрдотель даже в гневе узнал нудное нытье Сандры. Ей вечно чего-то не хватало. Элиот, возможно, и не родился официантом, но он обладал необъяснимой способностью видеть человеческие недостатки. И гротесково их пародировать. Высмеивать. Не каждому такой талант пришелся бы по вкусу.

* * *

– Смотрите, кого я нашла, – весело сказала Джулия, когда они вошли в Большой зал.

Рейн-Мари улыбнулась, встала и поцеловала мужа, держа в руке пузатый бокал с коньяком. Остальные подняли голову, улыбнулись и продолжили заниматься прежними делами. Джулия неуверенно остановилась на пороге, потом взяла журнал и села в кресло с подголовником.

– Тебе стало лучше? – прошептала Рейн-Мари.

– Гораздо, – искренне ответил Гамаш, взял бокал, согретый ее руками, и прошел за ней к дивану.

Томас перестал играть на пианино и подошел к Гамашам:

– Как насчет бриджа попозже?

– Merveilleux. Bonne idée,²⁹ – сказала Рейн-Мари.

Вечерами они обычно играли в бридж с Томасом и его женой Сандрой. Это был приятный способ закончить день.

– Нашла розы? – спросил Томас у Джулии, возвращаясь к жене.

Сандра захихикала, словно он изрек что-то блестящее и остроумное.

– Ты имеешь в виду розы Элеоноры? – спросила Мариана с места у окна, где она сидела рядом со своим чадом. На ее лице появилось выражение крайнего удивления. – Это твои любимые, да, Джулия?

– Мне казалось, что они больше в твоём вкусе, – улыбнулась Джулия.

Мариана улыбнулась в ответ и представила, как потолочная балка падает прямо на голову ее старшей сестры. Она надеялась, что встреча с Джулией будет куда как забавнее. Получилось совсем наоборот.

– Ну, дитячко Бин, пора спать, – сказала Мариана и положила тяжелую руку на плечо своего прилежного чада.

Гамаш еще не видел такого спокойного и послушного десятилетнего ребенка. Когда они проходили мимо, Гамаш перехватил взгляд ярких голубых глаз.

– Что ты читаешь? – спросил он.

Ребенок остановился и посмотрел на этого большого незнакомца. Хотя они соседствовали в «Усадьбе» уже три дня, но практически ни разу не поговорили.

– Ничего.

Гамаш отметил, что маленькие ручки крепче сжали книгу в твердом переплете и свободная рубашка сложилась складками, когда ребенок сильнее прижал книгу к себе. За маленькими загорелыми пальцами Гамаш смог разобрать только одно слово.

«Мифы».

---

²⁸ Прошу прощения (*фр.*).

²⁹ Чудесно. Отличная идея (*фр.*).

– Давай скорее, копуша! В кровать! Мамочке нужно напиться, а она не может этого сделать, пока ты не ляжешь, ты же знаешь.

Ребенок, не сводя глаз с Гамаша, неожиданно улыбнулся и, выходя из комнаты, спросил:

– А можно мне сегодня коктейль с мартини?

– Ты знаешь, что до двенадцати лет нельзя. Либо виски, либо вообще ничего, – услышали они слова Марианы, а потом – шаги по лестнице.

– Я не вполне уверена, что она шутит, – сказала мадам Финни.

Гамаш улыбнулся ей, но сразу же посерьезнел, когда увидел суровое выражение на ее лице.

* * *

– Почему ты позволяешь ему издеваться над тобой, Пьер?

Шеф-повар Вероника раскладывала по маленьким тарелкам трюфеля ручной работы и засахаренные фрукты в шоколаде. Ее пухлые пальцы машинально размещали сласти изящным рисунком. Она взяла веточку мяты из стакана, стряхнула с нее воду и отщипнула несколько листиков. Рассеянно вытащила из вазы несколько съедобных цветов и аккуратно выложила все это на белой тарелке. Потом выпрямилась и посмотрела на Пьера.

Они много лет проработали вместе. Да что там лет – десятилетий. Ей казалось странным, что ей уже под шестьдесят, хотя она и знала, что выглядит на свой возраст. Впрочем, к счастью, в такой глуши это не имело значения.

Вероника редко видела, чтобы молодые работники так расстраивали Пьера. Самой ей Элиот нравился. Он всем нравился, насколько ей было известно. Уж не поэтому ли так расстроен метрдотель? Завидует?

Несколько секунд она наблюдала, как он своими тонкими пальцами поправляет тарелки на подносе.

«Нет, – подумала она, – тут дело не в зависти. В чем-то другом».

– Он ничего не хочет слушать, – сказал Пьер, отодвигая поднос в сторону и садясь напротив нее.

Они остались одни в кухне. Посуда была вымыта, тарелки убраны, все вычищено. Пахло эспрессо, мятой и фруктами.

– Он пришел сюда учиться, а слушать не хочет. Я этого не понимаю. – Пьер вытащил пробку из бутылки коньяка и налил.

– Он молод. В первый раз вдали от дома. А если ты станешь на него давить, будет только хуже. Оставь все как есть.

Пьер пригубил коньяк и кивнул. Общество шеф-повара Вероники благоприятно действовало на него, хотя он знал, что она может запугать любого новичка до смерти. Она была громадная, тучная, лицом напоминала тыкву, а голосом – корнеплод. И у нее были ножи. Много ножей. Мясницкие тесаки и чугунные сковородки.

Увидев ее впервые, новички думали – и их можно было понять, – что они заблудились, свернули не на ту дорогу и оказались в лагере лесорубов, а не в изысканной «Охотничьей усадьбе». Шеф-повар Вероника была похожа на третьеразрядного повара дешевой забегаловки.

– Он должен понимать, кто здесь командует, – твердо сказал Пьер.

– Он это понимает. Просто ему это не нравится.

Было видно, что у метрдотеля выдался нелегкий день. Вероника взяла с тарелки самый большой трюфель и протянула Пьеру.

Он рассеянно съел его.

* * *

– Я очень поздно выучила французский, – сказала миссис Финни, изучая карты сына.

Они переместились в библиотеку и перешли на французский, и теперь старая женщина медленно ходила вокруг карточного стола, заглядывая в карты каждого. Время от времени она вытягивала руку с корявым пальцем и щелкала по какой-нибудь карте. Поначалу она давала советы только сыну и его жене, но сегодня включила в круг опекаемых и Гамашей. Игра шла не на деньги, и никто вроде бы не возражал, и уж точно не Арман Гамаш, пользовавшийся ее подсказками.

Вдоль стен здесь стояли книжные стеллажи, их ряд был разорван лишь камином и стеной с окнами во всю высоту, смотрящими в темноту. Окна были открыты, чтобы уловить тот слабый ветерок, который мог им предложить жаркий квебекский вечер. В гораздо большей степени этот вечер предлагал несмолкающие трели птичьих голосов из чаши.

На старом сосновом полу лежали потертые восточные ковры; удобные кресла и диваны располагались так, чтобы можно было вести private разговоры или читать в одиночестве. Повсюду стояли композиции из свежих цветов. «Охотничья усадьба» умудрялась быть одновременно деревенской и изысканной. Снаружи грубо отесанные бревна, а внутри великолепный хрусталь.

– Вы живете в Квебеке? – спросила Рейн-Мари, медленно и четко произнося слова.

– Я родилась в Монреале, но теперь живу в Торонто. Поближе к моим друзьям. Большинство давно ушли, но я осталась. В те дни французский нам не требовался. Ну разве что для того, чтобы объясняться с горничными.

Миссис Финни говорила на хорошем французском, правда с сильным акцентом.

– Мама! – Томас покраснел.

– Я помню те дни, – сказала Рейн-Мари. – Моя мать ходила убирать чужие дома.

Миссис Финни и Рейн-Мари поговорили о тяжелой работе, о воспитании детей, о «тихой революции» 1960-х годов, когда квебекцы наконец стали *maîtres chez nous* – хозяевами в собственном доме.

– Хотя моя мать продолжала убирать в домах англичан в Вестмаунте, – сказала Рейн-Мари, раскладывая по порядку сданные карты. – Одна без козыря.

Мадам Финни заглянула в карты Рейн-Мари и одобительно кивнула:

– Надеюсь, наниматели были добры к ней. Со стыдом признаю, что мне приходилось этому учиться. Это было почти так же трудно, как освоить сослагательное наклонение в английском.

– Примечательное было время, – сказал Гамаш. – Волнующее для большинства франкоязычных канадцев. Но я знаю, что англичане заплатили огромную цену.

– Мы потеряли наших детей, – сказала миссис Финни, обходя стол, чтобы заглянуть в карты Гамаша. – Они отправились искать работу на языке, который знали. Вы, возможно, стали хозяевами, но мы превратились в иностранцев, присутствие которых в собственном доме стало нежелательным. Вы правы. Мы заплатили большую цену.

Она показала на десятку бубен у него в руке. В ее голосе не слышалось ни жалости к себе, ни сентиментальности. Может быть, немного укоризны.

– Пас, – сказал Гамаш.

Он играл на пару с Сандрой, а Рейн-Мари – с Томасом.

– Я уехать из Квебека, – сказал Томас, который понимал французский лучше, чем говорил на нем, а это явно было лучше, чем наоборот. – Уехать далеко – в университет в Торонто. Квебек трудно.

«Занятно, – подумал Гамаш, слушая Томаса. – Если ты не говоришь по-французски, то можешь поклясться, что Томас двуязычен, настолько идеальное у него произношение. Вот только со смыслом *je ne sais quoi*».³⁰

– Три без козыря, – сказал Томас.

Его мать отрицательно покачала головой и тихонько щелкнула языком.

Томас рассмеялся:

– Ах уж этот язык моей матушки!

Гамаш улыбнулся. Ему нравился Томас. Гамаш подозревал, что Томас нравится многим.

– Кто-нибудь из ваших детей остался здесь? – спросила Рейн-Мари у мадам Финни.

У Гамашей хотя бы Анни жила в Монреале, но Рейн-Мари каждый день тосковала по Даниелю и спрашивала себя, как такое вынесла эта женщина и многие-многие другие. Неудивительно, что эти люди не очень любили квебекцев. Из-за языка им пришлось расстаться с детьми. Никаких благодарностей они за это не получили. Фактически произошло нечто противоположное. Среди квебекцев было распространено подозрение, что англичане просто тянут время, выжидают, когда их, франкоязычных, снова можно будет поработить.

– Остался один. Еще один мой сын.

– Спот. Он и его жена Клер приезжают завтра, – сказал Томас, переходя на английский.

Гамаш оторвал взгляд от карт, в которых все равно не было ничего интересного, и уставился на Томаса.

Как и его сестра Джулия, Томас говорил об отсутствующем брате теплым, радостным тоном, но за этим Гамашу слышалось что-то иное.

Он почувствовал легкое движение в той части своего мозга, ради отключения которой и приехал в «Усадьбу».

Настала очередь Сандры торговаться. Гамаш через стол сверлил взглядом партнершу.

«Пасуй, пасуй, – посылал он ей мысленный сигнал. – У меня ничего нет. Они нас прикончат».

Он знал, что бридж совмещает в себе карточную игру и упражнения в телепатии.

– Спот, – хмыкнула Сандра. – Как это на него похоже! Всегда появляется в последнюю минуту. Делает самый минимум – ничего больше. Четыре без козырей.

Рейн-Мари удвоила ставку.

– Сандра! – сказал Томас со смехом, почти не скрывая упрёка.

– А что такое? Все приехали уже несколько дней назад, чтобы почтить твоего отца. А он появляется в последнюю минуту. Ужасный человек.

Наступило молчание. Сандра то и дело бросала взгляды на тарелку с шоколадом, которую метрдотель поставил на их столик.

Гамаш посмотрел на мадам Финни, но та как будто и не слышала этого разговора, хотя он подозревал, что она не упустила ни слова.

Он перевел взгляд на месье Финни, сидевшего на диване. Безумными глазами тот общаривал комнату, а его волосы торчали во все стороны, отчего голова старика Финни казалась похожей на поврежденный спутник, набравший слишком большую скорость перед ударом о землю. Если все собрались, чтобы почтить его, то почему он сидит в одиночестве? Глаза Финни остановились на картине, висящей над камином, – сельский пейзаж кисти Кригхоффа.³¹ Оригинал. Квебекские крестьяне загружают телегу, а от одного из домов крепкая женщина, смеясь, несет мужчинам корзинку с едой.

---

³⁰ Здесь: что-то не то (фр.).

³¹ Кригхофф Корнелиус Дэвид (1815–1872) – канадский художник, более всего известен как пейзажист.

На картине была изображена семейная сцена, сердечная и приманчивая, и деревенская жизнь, какой она была сотни лет назад. И Финни явно предпочитал семейную обстановку на картине той, частью которой он был здесь и сейчас.

Мариана встала и подошла к игрокам.

Томас и Сандра прижали карты к груди. Мариана взяла журнал «Шатлен».

– «Судя по опросам, – прочла она, – большинство канадцев считают бананы наилучшим фруктом для шоколадного фондю».

Снова воцарилось молчание.

Мариана представила себе, как ее мать подавилась шоколадным трюфелем.

– Но это смешно, – сказала Сандра, которая тоже наблюдала, как ест мадам Финни. – Клубничное – самое вкусное.

– Я всегда любила груши и шоколад. Комбинация необычная, но замечательная. Вы так не считаете? – спросил Томас у Рейн-Мари, но та ничего не ответила.

– Вот вы, значит, где. А мне никто не сказал. – Через оконную дверь из сада легким шагом вошла Джулия. – О чем вы тут говорите?

По какой-то причине она посмотрела на Гамаша.

– Пас, – сказал он, уже толком не понимая, о чем они говорят.

– Маджилла говорит, что для топленого шоколада больше всего подходят бананы. – Томас кивнул на Мариану.

Это вызвало бурное веселье, и Гамаша недоуменно переглянулись.

– А монахи не используют голубику в шоколаде? – спросила Джулия. – Нужно бы мне купить немного голубики до отъезда.

На следующие несколько минут игра была забыта – все обсуждали фрукты и шоколад. В конце концов Джулия и Мариана удалились в уголок.

– Пас, – объявил Томас, вернувшись в игру.

«Отдай ему игру, – транслировал Гамаш Сандре, уставившись на нее. – Пожалуйста, пасуй».

– Я удваиваю ставку, – сказала Сандра, сердито посмотрев на Томаса.

«Мы имеем здесь дело с полным отсутствием коммуникации», – подумал Гамаш.

– Нет, правда, о вы чем думали? – спросила Сандра, надув пухлые губы, когда она увидела карты, раскрытые Гамашем.

– Oui, Арман. – Рейн-Мари улыбнулась. – Шесть без козыря с такими картами? О чем ты думал?

Гамаш привстал и слегка поклонился:

– Это полностью моя вина.

Он послал жене взгляд, полный веселья.

В том, чтобы быть недоумком, есть свои преимущества. Гамаш вытянул ноги и пригубил коньяк, затем прошелся по комнате. Становилось жарче. Обычно вечера в Квебеке прохладные, но этот был исключением. Гамаш почувствовал, как повышается влажность, расстегнул воротник и ослабил галстук.

– Очень смело, – сказала Джулия, подойдя к нему, когда он остановился, разглядывая картину Кригхоффа. – Вы раздеваетесь?

– Боюсь, что на сегодня я уже получил свою долю унижений. – Гамаш кивнул на столик, где трое игроков в бридж сидели над картами.

Он наклонился и понюхал розы на каминной полке.

– Они прекрасны, правда? Здесь все прекрасно. – Голос Джулии звучал задумчиво, словно она уже начала скучать по «Усадьбе».

Потом он вспомнил Спота и подумал, что для Финни, вероятно, это последний приятный вечер.

– Потерянный рай, – пробормотал он.

– Что-что?

– Да нет, так, одна мысль мелькнула.

– Вы задаетесь вопросом: что лучше – царствовать в аду или прислуживать в раю? – с улыбкой спросила Джулия.

Гамаш рассмеялся. Мимо ее взгляда почти ничто не проходило – в этом она была похожа на мать.

– Видите ли, у меня есть на это ответ. Смотрите-ка, это же роза Элеоноры, – удивленно сказала она, показывая на ярко-розовый цветок в букете. – Можете себе представить?

– Кто-то уже говорил это сегодня, – вспомнил Гамаш.

– Томас.

– Верно. Он хотел узнать, нашли ли вы ее в саду.

– Это наша маленькая шутка. Роза названа в честь Элеоноры Рузвельт. Вы знаете?

– До этой минуты не знал.

– Мм... – проговорила Джулия, глядя на розу и кивая. – Она сказала, что поначалу чувствовала себя польщенной, пока не прочла описание в каталоге: «„Элеонора Рузвельт“: на клумбе³² не смотрится, а у стены выглядит прекрасно».

Они рассмеялись, и Гамаш восхитился и розой, и цитатой, хотя так и не понял, какое отношение эта семейная шутка имеет к Джулии.

– Еще кофе?

Джулия вздрогнула.

В дверях с серебряным кофейником стоял Пьер. Его вопрос был обращен ко всем присутствующим, но смотрел он на Джулию и при этом слегка краснел. В другом углу комнаты Мариана пробормотала:

– Ну вот, пожалуйста.

Каждый раз, когда метрдотель появлялся в комнате, где была Джулия, на его лице появлялся румянец. Мариане были известны эти симптомы. Она всю жизнь прожила с ними. Мариана была девчонка без комплексов, всегда готовая развлечься вечерком. Ее можно было лапать и целовать в машине. Но на Джулии все хотели жениться, даже метрдотель.

Глядя на сестру, Мариана почувствовала, как кровь ударила ей в лицо, но по абсолютно иной причине. Пока Пьер наливал Джулии кофе, Мариана воображала, что вот эта огромная картина Кригхоффа в тяжелой раме срывается со стены и бьет Джулию по голове.

– Посмотрите, напарничек, что вы со мной сделали! – прорычала Сандра, поскольку Томас брал взятку за взяткой.

Наконец они поднялись из-за стола, и Томас присоединился к Гамашу, который разглядывал другие картины в комнате.

– Это Брижит Норманден, да? – спросил Томас.

– Да. Фантастика! Очень смело, очень современно. Дополняет Молинари и Риопеля. И в то же время сочетается с традиционным Кригхоффом.

– А вы, оказывается, разбираетесь в искусстве, – с некоторым удивлением сказал Томас.

– Я люблю историю Квебека, – ответил Гамаш, кивая на старую картину.

– Но для других картин это не объяснение, ведь так?

Гамаш решил немного пободаться:

– Вы меня проверяете, месье?

– Может быть, – признал Томас. – Редко удается встретить коллегу-самоучку.

– Тем более в плену, – сказал Гамаш, и Томас рассмеялся.

---

³² Игра слов, основанная на том, что английское слово bed означает и «клумба», и «кровать».

Картина, на которую они смотрели, была неброской, в сдержанных светло-коричневых тонах.

– Похоже на пустыню, – заметил Гамаш. – Безотрадное впечатление.

– Но это неверное впечатление, – возразил Томас.

– Опять двадцать пять, – сказала Мариана.

– Что, снова про розу? – спросила Джулия, обращаясь к Сандре. – Он все об этом говорит?

– Раз в день, как «Надежный старик».³³ Отойди подальше.

– Ладно, пора спать, – сказала мадам Финни.

Ее муж поднялся с дивана, и пожилая пара вышла из комнаты.

– Вещи совсем не такие, какими кажутся, – сказал Томас, и Гамаш удивленно посмотрел на него. – Я имею в виду, в пустыне. Вид действительно неживой, но на самом деле там все кишит жизнью. Просто вы этого не видите. Жизнь прячется, чтобы не быть сожранной. В Южно-Африканской пустыне есть одно растение, которое называется каменным. Знаете, как оно выживает?

– Дай подумать. Оно притворяется камнем? – спросила Джулия.

Томас стрельнул в нее недовольным взглядом, но его лицо тут же приняло прежнее дружеское, приветственное выражение.

– Вижу, ты не забыла ту историю.

– Я ничего не забываю, Томас, – сказала Джулия и села.

Гамаш наблюдал. Финни редко говорили между собой, но если и делали это, то слова их были наполнены смыслом, непонятным для Гамаша.

Томас задумался на мгновение, потом обратился к Гамашу, который мечтал улечься наконец в кровать, хотя больше всего ему хотелось выслушать эту историю.

– Оно притворяется камнем, – сказал Томас, сверля глазами Гамаша.

И тот вдруг осознал, что слова Томаса имеют скрытый смысл. Что Томас хочет что-то донести до него. Вот только что?

– Чтобы выжить, оно должно скрываться. Притворяться тем, чем не является на самом деле, – продолжил Томас.

– Это всего лишь растение, – возразила Мариана. – Оно ничего не делает специально.

– Оно такое хитроумное, – сказала Джулия. – Инстинкт самосохранения.

– Это всего лишь растение, – повторила Мариана. – Не говори глупостей.

Оригинально, подумал Гамаш. Оно не осмеливается выставлять себя в своем истинном виде, потому что опасается за свою жизнь. Не это ли сейчас сказал ему Томас?

Вещи не такие, какими кажутся. Он начинал верить в это.

---

³³ Имеется в виду известный гейзер в штате Вайоминг, который с поразительно точной периодичностью выбрасывает в воздух горячую струю воды.

Глава четвертая

– Мне понравился сегодняшний вечер, – сказала Рейн-Мари, забираясь под прохладные крахмальные простыни рядом с мужем.

– И мне тоже.

Он снял свои полукруглые очки и положил раскрытую книгу на кровать. Вечер стоял теплый. Окно их крохотного номера выходило на огород и было единственным, а поэтому устроить сквозняк не получалось; впрочем, при распахнутом окне легкие ситцевые занавеси чуть колебались. Лампочки на прикроватных тумбочках освещали лишь малую часть комнаты, остальное было погружено в полумрак. От бревенчатых стен и от сосен в лесу пахло деревом, из огорода доносился пряный аромат трав.

– У нас через два дня юбилей, – сказала Рейн-Мари. – Первого июля. Ты только представь: тридцать пять лет вместе. Неужели мы были такими молодыми?

– Я был. Молодым и невинным.

– Бедный мальчик. Я тебя пугала?

– Может быть. Немного. Но теперь я этим переболел.

Рейн-Мари откинулась на подушку:

– Не могу сказать, что с нетерпением жду завтрашнего приезда отсутствующих Финни.

– Спота и Клер. Спот – это, вероятно, прозвище.

– Будем надеяться.

Гамаш снова взял книгу, попытался сосредоточиться, но веки его отяжелели, и ему приходилось делать усилие, чтобы глаза оставались открытыми. Наконец он прекратил сопротивление, поняв, что ему не выиграть этой борьбы, да и нужды нет. Он поцеловал Рейн-Мари, зарылся головой в подушку и заснул под многоголосье существ за окном, ощущая запах жены рядом с собой.

* * *

Пьер Патенод стоял в дверях кухни. Здесь все было чисто, все на своих местах. Стаканы стояли ровными рядами, столовые приборы лежали в футлярах, между фарфоровыми тарелками в стопках были проложены салфетки. Он перенял это от своей матери. Она научила его, что порядок – это свобода. Жизнь в хаосе равносильна жизни в тюрьме. Порядок освобождает мозг для других дел.

У отца он научился управлять людьми. В те редкие дни, когда у него не было занятий в школе, ему позволялось приходить в офис к отцу. Пьер усаживался к нему на колени, вдыхал запах туалетной воды и табака, а отец не прекращал работу – без конца говорил по телефону. Еще ребенком Пьер чувствовал родительский уход: его холили и лелеяли, стригли и наводили на него лоск.

Был бы его отец разочарован, увидев Пьера сейчас, всего лишь метрдотелем? Нет, он так не думал. Отец хотел для него лишь одного: чтобы он был счастлив.

Он выключил свет и прошел по пустому обеденному залу в сад, чтобы еще раз посмотреть на мраморный куб.

* * *

Мариана, мурлыча себе под нос, снимала с себя одежду за одежкой. Время от времени она поглядывала на односпальную кровать, стоявшую рядом с ее кроватью: Бин то ли спит, то ли притворяется.

– Бин? – прошептала Мариана. – Бин, пожелай мамочке спокойной ночи.

Молчание. Впрочем, в комнате вовсе не было тихо. Здесь повсюду тикали часы – цифровые, электрические, заводные. Все они были выставлены на семь утра. Все они двигались к этому времени, как и каждое утро в течение многих месяцев. Казалось, их теперь больше, чем всегда.

Мариана спрашивала себя, не зашло ли это слишком далеко. Не пора ли ей сделать что-нибудь. Чтобы ребенок десяти лет ударился в такое – нет, это было ненормально. То, что год назад началось с одного-единственного будильника, расцвело и распространилось, как сорняк, пока вся детская в их доме не наполнилась часами. Шум по утрам поднимался невероятный. Мариана из своей спальни слышала, как маленькая рука по очереди выключает их, пока не замолкает последний тоненький писк, возвещающий о начале дня.

Нет, это, конечно, ненормально.

Правда, в этом ребенке многое было ненормальным. Вызывать сейчас психотерапевта, думала Мариана, все равно что пытаться убежать от штормовой волны. Она вынула книгу из маленькой руки, положила ее на пол и улыбнулась. В детстве это была ее любимая книга, и она прикинула, какая история больше всего понравилась ее чаду. Про Одиссея? Пандору? Геракла?

Мариана наклонилась, чтобы поцеловать ребенка, и тут заметила люстру со старым электропроводом. Она вдруг представила себе, как искра перескакивает с этих проводов на кровать, постель начинает дымиться, а потом вспыхивает пламенем. А они тем временем спят.

Она отошла назад, закрыла глаза и возвела невидимую стену вокруг кровати.

«Спи! Тебе ничто не грозит».

Она выключила свет и легла, ощущая свое липкое рыхлое тело. Стоило ей приблизиться к матери, как она словно тяжелела, будто мать обладала собственной атмосферой и гравитацией. Завтра появится Спот, и все начнется. И закончится.

Мариана попыталась устроиться поудобнее, однако ночь была душной, простыни комкались, прилипали к телу. Она сбросила их. Но на самом деле между нею и сном стояли не смрадная жара, не похрапывающее дитя, не липкие простыни.

Все дело было в банане.

Почему они вечно подначивают ее? И почему в сорок семь лет она все еще продолжает переживать из-за этого?

Она повернулась, пытаясь найти прохладное место на влажной простыне.

Банан. И опять она услышала их смех. Увидела насмешливые взгляды.

«Да не обращай ты внимания», – сказала она себе. Закрыла глаза и постаралась забыть о банане и тикающих, тикающих, тикающих часах в ее голове.

* * *

Джулия Мартин села у трюмо и сняла ниточку жемчуга с шеи. Простые, изящные бусы – подарок отца к восемнадцатилетию.

«Настоящая леди всегда одевается со вкусом, Джулия, – сказал он тогда. – Леди никогда не бравировует своим богатством. В ее присутствии другие люди чувствуют себя легко. Не забывай об этом».

И она не забывала. Она сразу же осознала правильность его слов. И все блуждания и неуверенности ее юности отошли в прошлое. Она увидела перед собой прямую дорогу. Пусть узкую, но ясную. Она испытала огромное облегчение. Теперь у нее была цель, направление в жизни. Она знала, кто она и что должна делать. Пусть другим будет легко в ее присутствии.

Раздеваясь, она перебирала в памяти события прошедшего дня, составляла список людей, которых, возможно, обидела, всех тех, кого могли обидеть ее слова, интонации, манеры.

И еще она подумала об этом милом французе и их разговоре в саду. Он видел, как она курит. Что он о ней думает? Потом она пофлиртовала с молодым официантом, взяла выпивку. Выпивка, курение, флирт.

Боже, он, наверно, подумал, что она человек поверхностный и слабый.

Завтра она постарается вести себя лучше.

Она уложила жемчужную нитку, словно маленькую змейку, в высланную бархатом коробочку, потом сняла сережки, жалея, что не может снять и уши. Но она знала, что уже слишком поздно.

Роза Элеоноры. Зачем они сделали это? По прошествии всех этих лет, когда она пыталась быть доброй, зачем тащить сюда эту розу?

«Забудь, – умоляла она себя, – это не имеет значения. Это была шутка. Все кончилось».

Но слова успели сформироваться внутри ее и не желали уходить.

* * *

В соседнем номере под названием Озерный на балконе стояла Сандра, окруженная дикими звездами, и думала, как бы захватить лучший столик на завтрак. Она устала от того, что ее обслуживают последней, всегда ей приходится требовать, и все равно ей достаются самые маленькие порции.

А этот Арман – худшего игрока в бридж она не видела. Почему она именно его выбрала в партнеры? Персонал крутится вокруг него и его жены. Может, потому, что они французы? Это было несправедливо. У них не номер, а кладовка для метелок в задней части дома, самый дешевый номер в «Усадьбе». Наверняка он какой-нибудь бакалейщик, а жена у него – уборщица. С какой стати они должны соседствовать с Финни в «Усадьбе»? Однако она была с ними вежливой. Большого от нее требовать нельзя.

Сандра была голодна. И хотела есть. И еще она устала. А завтра приедет Спот, и все станет еще хуже.

Из глубин их великолепного номера Томас смотрел на жесткую спину жены.

Он женился на красивой женщине, и она до сих пор с расстояния, со спины была красива.

Но ее голова почему-то в последнее время увеличилась в размерах, а все остальное жалось, отчего у Томаса создалось впечатление, будто его прикрепили к сдуваемому спасательному устройству. Оранжевому, мягкому, податливому и более не выполняющему своих функций.

Пока Сандра стояла к нему спиной, он быстро снял старые запонки, подаренные ему отцом к восемнадцатилетию.

«Мне дал их мой отец, а теперь пора передать их тебе», – сказал тогда отец. Томас взял запонки и потертый бархатный мешочек, в котором они хранились, и засунул в карман небрежным жестом, надеясь задеть этим отца. И он добился своего.

Больше отец не давал ему ничего. Ничего.

Томас быстро скинул старый пиджак и рубашку, радуясь тому, что никто не видит его слегка потрепанных манжет. В дверях появилась Сандра. Томас небрежно швырнул рубашку и пиджак на ближайший стул.

– Мне не понравилось, что ты перечил мне за бриджем, – сказала она.

– Разве я перечил?

– Конечно перечил. Перед всей семьей и этой парой – бакалейщиком и уборщицей.

– Домá убирала не она, а ее мать, – поправил ее Томас.

– Ну, ты видишь? Ты просто не можешь не поправлять меня.

– Ты хочешь говорить неправду?

Эта была натопанная тропинка в их браке.

– Ну хорошо, что я такого сказал? – спросил он наконец.

– Ты прекрасно знаешь, что ты сказал. Ты сказал, что с плавленым шоколадом лучше всего идут груши.

– Так и сказал? Груши?

Он произнес это так, чтобы прозвучало глупо, но Сандра знала, что это не глупо. Она знала, что это важно. Жизненно важно.

– Да, груши. Я сказала, клубника, а ты – груши.

Внезапно это и в самом деле стало представляться ей глупостью. Это было нехорошо.

– Но я так считаю, – возразил Томас.

– Да брось ты. Только не говори мне, что у тебя есть собственное мнение.

От всех этих разговоров о теплом шоколаде, стекающем со свежей клубники – или даже груши, – в ее сухом рту начала выделяться слюна. Сандра проверила, нет ли на ее подушке крохотной шоколадки от гостиницы. На ее половине кровати, на его, на подушках, ночном столике. Она бросилась в ванную – и там ничего. Оглядела раковину, подумала о том, сколько калорий может быть в зубной пасте.

Ничего. Ничего съедобного. Она посмотрела на свои ногти. Но нет, это она сохраняла на крайний случай. Сандра вернулась в комнату, увидела потрепанные манжеты мужа, задумалась, отчего это они истрепались. Уж явно не от частых прикосновений.

– Ты унизил меня перед всеми, – сказала она, переводя свое желание поесть в желание обижать.

Томас не повернулся. Она знала, что лучше не трогать эту тему, но было слишком поздно. Она уже пережевала оскорбление, раскусила его на части и проглотила. Это оскорбление стало теперь ее неотъемлемой частью.

– Почему ты всегда это делаешь? Из-за какой-то груши! Ну почему ты хоть раз не можешь со мной согласиться?

Она два месяца питалась ягодами, веточками, травой, черт бы ее драл, и похудела на пятнадцать фунтов по одной-единственной причине. Чтобы семья сказала, какая она красивая и стройная. И еще она надеялась, что, может быть, это заметит и Томас. Томас заметит. Может, он поверит в это. Может, прикоснется к ней. Всего лишь прикоснется. О том, чтобы заняться любовью, она и не думает. Просто прикоснется.

Она сгорала от желания.

* * *

Айрин Финни взглянула в зеркало и подняла руку. Она поднесла к лицу намыленную тряпочку, но замерла.

Спот приедет завтра. И тогда они все будут вместе. Четверо детей, четыре краугольных камня ее мира.

Как и многие пожилые люди, Айрин Финни знала, что на самом деле мир плоский. Что у него есть начало и конец. И что она подошла к краю.

Осталось сделать только одно. Завтра.

Айрин Финни уставилась на свое отражение. Она снова поднесла к лицу тряпочку и принялась тереть. В соседней комнате Берт Финни сжимал простыни, слушая сдавленные рыдания жены, снимавшей с себя дневное лицо.

* * *

Арман Гамаш проснулся с первыми лучами солнца, которые проникли сквозь замершие занавески и коснулись их скомканных простыней и его потного тела. Простыни свернулись во влажный шар в ногах кровати. Рейн-Мари подняла голову:

– Который час?

– Половина седьмого.

– Утра? – Она приподнялась на локте.

Гамаш кивнул и улыбнулся.

– И уже такая жара?

Он снова кивнул.

– День будет убийственно жаркий.

– То же самое вчера говорил Пьер. Тепловой фронт.

– Я наконец поняла, почему его называют фронтом, – сказала Рейн-Мари, глядя на его влажную руку. – Мне нужно принять душ.

– У меня есть предложение получше.

Через несколько минут они оказались на пристани, скинули с ног сандалии и уронили полотенца, как гнезда, на теплые доски. Гамаш и Рейн-Мари залюбовались этим миром двух солнц, двух небес, удвоенных гор и лесов. Озеро было не стеклом, а зеркалом. Птица, летевшая в ясном небе, отражалась и в спокойных водах. Мир был такой идеальный, что разделялся надвое. Стрижи рассекали воздух в саду, бабочки-монархи порхали с цветка на цветок. Вдоль пристани носились две стрекозы. Единственными людьми в этом мире были Гамаш и Рейн-Мари.

– Ты первый, – сказала Рейн-Мари.

Она любила смотреть на это. Как и их дети, когда они были помладше.

Гамаш улыбнулся, согнул ноги в коленях и прыгнул с пристани в воздух. Несколько секунд он парил, раскинув руки в стороны, словно собирался долететь до противоположного берега. Это было больше похоже на пуск ракеты, чем на нырок. А потом, естественно, случилось неизбежное, ведь Арман Гамаш, разумеется, не мог летать. Подняв гигантскую волну, он рухнул в воду. Она была такая холодная, что на миг у него перехватило дыхание. Но, вынырнув на поверхность, он почувствовал себя свежим и полным энергии.

Рейн-Мари посмотрела, как он помотал головой, чтобы стряхнуть воду с волос, – так он сделал во время первого их приезда сюда. И делал все последующие годы, когда волос у него стало гораздо меньше и нужда в этом отпала. Но он продолжал делать это, а Рейн-Мари по-прежнему смотрела, и сердце у нее все так же замирало.

– Давай ко мне, – позвал ее Гамаш.

Она изящно нырнула; правда, ее ноги всегда расходились и она так и не научилась вытягивать носки, а потому при входе в воду неизменно поднимала фонтан брызг. Гамаш дождался, когда она вынырнет лицом к солнцу, с мокрыми волосами.

– Брызги были? – спросила она, выгребая по волнам, разошедшимся после ее прыжка.

– Ты вошла в воду, как нож. Я даже не заметил, что ты нырнула.

– Ну, пора завтракать, – сказала Рейн-Мари десять минут спустя, когда они по лесенке поднялись на пристань.

Гамаш протянул ей разогретое солнцем полотенце.

– Ты что будешь?

Они возвращались в гостиницу, рассказывая друг другу, какое невероятное количество еды готовы проглотить. У «Усадьбы» Гамаш остановился и повел жену в сторону:

– Я хочу показать тебе кое-что.

Рейн-Мари улыбнулась:

– Я это уже видела.

– Я не про это, – тихо засмеялся Гамаш и вдруг замолчал.

Они были здесь не одни. У боковой части «Усадьбы» кто-то копал землю, согнувшись над лопатой. Прекратив работать, человек медленно повернулся к ним.

Это была молодая женщина с лицом, испачканным землей.

– Здравствуйте.

Она была удивлена едва ли не больше, чем они. Настолько удивлена, что заговорила не на принятом в «Усадьбе» французском, а по-английски.

– Здравствуйте, – тоже на английском ответила Рейн-Мари, улыбаясь.

– Désolée, – сказала молодая женщина, еще сильнее размазывая землю по потному лицу, отчего земля превратилась в подобие глины, а девушка стала похожа на ожившую глиняную скульптуру. – Я думала, все еще спят. Это лучшее время для работы. Я одна из садовников.

Она перешла на французский и говорила на нем легко, лишь с небольшим акцентом. До них донесся знакомый аромат чего-то сладковатого, химического. Средство для отпугивания насекомых. Их собеседница была пропитана им. Запахи квебекского лета. Скошенная трава и репеллент.

Гамаш и Рейн-Мари опустили глаза и увидели ямки в земле. Девушка заметила, куда они смотрят.

– Я пытаюсь пересадить их, прежде чем станет слишком жарко. – Она махнула в сторону нескольких поникших растений. – Почему-то на этой клумбе все растения гибнут.

– А что это? – спросила Рейн-Мари.

Но она глядела вовсе не на ямки.

– Именно это я и хотел тебе показать, – сказал Гамаш.

В стороне, чуть скрытый деревьями, стоял громадный мраморный куб. По крайней мере, теперь было у кого спросить, для чего он.

– Понятия не имею, – ответила садовница. – Дня два назад приехала огромная машина и сгрузила его здесь.

– А из чего он? – Рейн-Мари прикоснулась к камню.

– Это мрамор, – сказала девушка, подходя к ним.

– Ну вот, мы приехали в «Охотничью усадьбу», – заговорила после паузы Рейн-Мари. – Вокруг лес, озера и сады. А мы с тобой, – она взяла мужа за руку, – смотрим на единственную вещь на много миль вокруг, которая не создана природой.

Он рассмеялся:

– И какова вероятность такого события?

Они кивнули садовнице и вернулись в «Усадьбу», чтобы переодеться к завтраку. Но Гамашу показалось любопытным, что Рейн-Мари прореагировала на этот мраморный куб так же, как и он предыдущим вечером.

* * *

Террасу там и здесь пятнали тени, жара еще не набрала силы, но к полудню камни будут разогреты, как угли. На Рейн-Мари и Гамаше были мягкие шляпы с большими полями.

Элиот принес им кофе с молоком и завтрак. Рейн-Мари налила кленовый сироп на блинчик, а Гамаш разрезал поданное ему яйцо бенедикт и стал наблюдать, как желток смешивается с голландским соусом. На террасе начали появляться Финни.

– Это уже не имеет значения, – услышали они женский голос, – но если бы нам дали хороший столик под кленом, это было бы здорово.

– Боюсь, что этот столик занят, мадам, – сказал Пьер.

– Правда? Впрочем, не важно.

Берт Финни уже сидел. Как и Бин. Они оба читали газету. Берт – комиксы, а Бин – некрологи.

– Ты, кажется, волнуешься, Бин, – сказал старик, опуская комикс.

– Ты обратил внимание, что теперь умирает больше людей, чем рождается?

Гамаш увидел, как Бин протягивает деду страницу из газеты, а тот, взяв ее, мрачно кивает:

– Это означает, что те из нас, кто остается, смогут потреблять больше.

– Я не хочу больше.

– Захочешь. – И Финни потряс зажатые в руке комиксами.

– Арман... – Рейн-Мари положила мягкую ладонь на руку мужа и понизила голос до еле слышного шепота. – Как ты думаешь, Бин – девочка или мальчик?

Гамаш, который время от времени тоже задавал себе этот вопрос, снова взглянул на ребенка в очках, со светлыми волосами до плеч, с симпатичным загорелым лицом. Он покачал головой:

– Бин напоминает мне Флоранс. Когда они приезжали в прошлый раз, я прогулялся с ней по бульвару Лорье, и почти все говорили: «Ах, какой у вас красавчик-внук!»

– На ней была панамка?

– Была.

– А о сходстве ничего не говорили?

– Вообще-то, говорили. – Гамаш посмотрел на жену как на гения, его карие глаза расширились от восхищения.

– Могу себе представить, – сказала она. – Но Флоранс чуть больше года. А сколько, по-твоему, этому ребенку?

– Трудно сказать. Девять? Десять? Любой ребенок, читающий колонку некрологов, кажется старше своих лет.

– Некрологи старят. Я не должна забывать об этом.

– Еще джема? – Пьер заменил их пустые розетки полными домашнего клубничного, малинового, голубичного джема. – Чего-нибудь еще? – поинтересовался он.

– Знаете, я хочу у вас спросить, – сказал Гамаш, показывая круассаном на угол дома. – Там стоит мраморный куб. Для чего он предназначен, Пьер?

– Так вы заметили?

– Это и космонавт бы заметил.

Пьер кивнул:

– Мадам Дюбуа ничего вам не говорила, когда вы приехали?

Рейн-Мари и Гамаш переглянулись и отрицательно покачали головой.

– Так-так. – У метрдотеля был несколько смущенный вид. – Боюсь, вам придется спросить у нее. Это сюрприз.

– Приятный сюрприз? – спросила Рейн-Мари.

Пьер задумался:

– Мы пока что не уверены. Но вскоре узнаем.

Глава пятая

После завтрака Гамаш позвонил сыну в Париж и оставил сообщение с телефонным номером «Усадьбы». Сигнал сотовой связи в этот медвежий угол не доходил.

Они проводили день в приятном безделье, температура медленно, но неуклонно росла, и наконец – они даже не успели понять, в какой момент, – стало по-настоящему жарко. Рабочие притащили в сад и на лужайку кресла и шезлонги и расставили их в тенистых местах, чтобы гости не сгорели дотла.

– Спот!

Этот крик рассек влажный воздух и нарушил сладкое безделье Армана Гамаша.

– Спот!

– Странно, – сказала Рейн-Мари, сняла солнцезащитные очки и взглянула на мужа. – С такой интонацией обычно кричат «Пожар!».

Используя палец вместо закладки в книге, Гамаш посмотрел в ту сторону, откуда доносился крик. Ему было любопытно увидеть, что это за Спот такой. Может, у него уши лопухами? Или он весь в пятнах?³⁴

Томас воскликнул: «Спот!» – и быстро зашагал по газону навстречу хорошо одетому мужчине с седыми волосами. Гамаш снял солнцезащитные очки и пригляделся внимательнее.

– Это, насколько я понимаю, конец нашего покоя и тишины, – с сожалением сказала Рейн-Мари. – Тот самый одиозный Спот и его еще более злобная жена материализовались.

Гамаш снова надел очки и прищурился, не веря собственным глазам.

– Что такое? – спросила Рейн-Мари.

– Никогда не догадаешься.

Две высокие фигуры появились на газоне «Охотничьей усадьбы». Изысканный Томас и его младший брат Спот.

Рейн-Мари пригляделась:

– Но это же...

– Я тоже так думаю, – подхватил Гамаш.

– Тогда где же... – с недоумением начала Рейн-Мари.

– Не знаю. А, вот и она.

Из-за угла «Усадьбы» появилась взъерошенная фигура с кое-как натянутой на растрепанные волосы шляпкой с широкими полями от солнца.

– Клара? – прошептала Рейн-Мари. – Боже мой, Арман, значит, Спот и Клер Финни – это Питер и Клара Морроу. Это какое-то чудо.

Она была довольна. Катастрофа, казавшаяся неминуемой и неотвратимой, обернулась встречей с друзьями.

Теперь Питера приветствовала Сандра, а Томас обнимал Клару. Она казалась крохотной и почти исчезла в его объятиях, а отпрянув, выглядела еще более растрепанной.

– Ты выглядишь замечательно, – сказала Сандра, оглядывая Клару.

Она с удовольствием отметила, что та набрала вес: пополнела, бедра еще больше округлились. На ней были неподобающие шорты в полоску и блузка в горошек. «А еще называет себя художницей», – подумала Сандра, у которой поднялось настроение.

– Я прекрасно себя чувствую. А ты похудела. Боже мой, Сандра, ты должна мне сказать, как ты это сделала. Я бы не прочь сбросить десять фунтов.

– Ты? – воскликнула Сандра. – Да зачем тебе это надо?

Две женщины пошли под руку, и Гамаши больше не слышали их.

---

³⁴ Одно из значений английского слова spot – «пятно».

– Питер, – сказал Томас.

– Томас, – сказал Питер.

Они коротко поклонились друг другу.

– Все хорошо?

– Лучше не бывает.

Они говорили обрывочными фразами, не требовавшими пунктуации.

– А у тебя?

– Прекрасно.

Они сократили язык до одних смысловых слов и вскоре грозили перейти на восклицания.

А потом – на молчание.

Арман Гамаш наблюдал за ними из зыбкой лиственной тени. Она знал, что должен радоваться встрече со старыми друзьями. И он радовался. Но, опустив взгляд, он увидел, что волоски у него на руках стоят дыбом, и почувствовал дуновение холода. В этот яркий, солнечный летний день, в этой нетронутой человеком, спокойной обстановке вещи казались не тем, чем были на самом деле.

* * *

Клара направилась к каменной стенке террасы, держа в руках пиво и сэндвич с помидорами, с которого капало на ее новую ситцевую блузку, чего она, конечно, не замечала. Она старалась спрятаться в тени, и это было не так уж трудно, поскольку семья Питера почти не уделяла ей внимания. Она была невесткой, и ничем больше. Поначалу это ее раздражало, но с каких-то пор она стала считать это большим благом.

Она посмотрела на многолетний сад и поняла, что если прищуриться, то вполне можно представить себя дома, в маленькой деревне Три Сосны. А дом ее был не так уж далеко. За горным хребтом. Но теперь он казался за семью морями.

Дома она каждое утро летом наливала чашку кофе и шла босиком к речушке Белла-Белла, вдыхая на ходу аромат роз, флоксов и лилий. Она садилась на скамью под мягким утренним солнцем и пила кофе, глядя на воду в реке, замороженная ее неторопливым течением, сверканием серебра и золота в солнечных лучах. После этого она возвращалась в свою мастерскую и писала до середины дня. Потом они с Питером брали пиво и выходили в сад или присоединялись к друзьям в бистро, чтобы выпить по стаканчику вина. Жизнь была тихая, небогатая событиями. И она их устраивала.

Но вот однажды утром, не так давно, она, как обычно, пошла проверить почту в ящике. И нашла там это приглашение, ввергнувшее ее в страх. Ржавая дверка взвизгнула, когда она открыла ее, а засунув руку внутрь, она даже на ощупь догадалась, что там лежит. Она почувствовала тяжелую писчую бумагу конверта. У Клары возникло искушение просто выбросить его, швырнуть в бачок с отходами для переработки, чтобы он превратился во что-нибудь полезное, например в туалетную бумагу. Но она не сделала этого. Она уставилась на паучьи каракули, зловещий почерк, от которого у нее мурашки бежали по коже. Наконец, больше не в силах это выносить, она вскрыла конверт и обнаружила внутри приглашение на семейный сбор в «Охотничьей усадьбе» в конце июня. На месяц раньше обычного и как раз в то время, когда в Трех Соснах снимают флаги святого Иоанна Крестителя и готовятся к празднованию Дня Канады первого июля на деревенском лугу. Время было выбрано хуже некуда, и Клара подумала как-нибудь отговориться, но тут вспомнила, что в этот год она должна организовывать детские игры. Клара, которая научилась общаться с детьми, делая вид, будто это куклы, вдруг пришла в смятение и сказала себе: пусть решает Питер. Но в приглашении было и кое-что еще. Во время их пребывания в «Охотничьей усадьбе» что-то должно было случиться. Когда в тот день Питер вышел из своей мастерской, Клара протянула ему конверт и взглянула в его

красивое лицо. Она любила это лицо, хотела защитить этого человека. И могла защитить от всего на свете. Но не от его семьи. Они нападали на него изнутри, а тут она ничем не могла ему помочь. Она наблюдала за ним: поначалу на его лице появилось недоуменное выражение, потом он понял.

Ничего хорошего ждать не приходилось. И все же, к ее удивлению, он взял телефон, позвонил матери и принял это несчастное приглашение.

То было несколько недель назад, и вот, пожалуйста, оно случилось.

Клара сидела в одиночестве на стенке и смотрела, как остальные попивают джин с тоником на ослепительном солнце. Ни на ком не было шляп от солнца, они предпочитали получить солнечный удар и рак кожи, лишь бы не иметь дурацкого вида. Питер разговаривал с матерью, приложив ладонь козырьком ко лбу, чтобы защититься от солнца, словно нескончаемо отдавал честь.

У Томаса вид был элегантный и величественный, тогда как Сандра выглядела настороженно. Стреляла в разные стороны глазами, оценивала порции, наблюдала за мельтешащими официантами, прикидывала, кто сколько получил в сравнении с тем, что досталось ей.

По другую сторону террасы и тоже в тени Клара видела Берта Финни. Он вроде бы наблюдал за женой, хотя сказать точно она не могла. Она отвела глаза, как только его блуждающий взгляд поймал ее.

Прихлебывая прохладный напиток, Клара ухватила прядь волос, мокрую от пота, и отклеила ее от шеи, потом помахала ею, чтобы проветрить кожу. Лишь после этого она заметила, что мать Питера наблюдает за ней. Увядшее лицо свекрови было розовым, белым и милым, ее фарфоровые глаза смотрели задумчивым и добрым взглядом. Прекрасная английская роза приглашала тебя подойти к ней и наклониться. Ты слишком поздно понимал, что за этим прячется оса, собираясь сделать то, что осы умеют делать лучше всего.

«Меньше суток, – сказала себе Клара. – Завтра утром после завтрака мы уедем».

Вокруг ее потной головы кружил слепень, и Клара так бешено замахала руками, что ударила сэндвичем о каменную стенку и тот отлетел в клумбу. Ответ на молитву муравьев, кроме тех, которых этот сэндвич прихлопнул.

– Клер ничуть не изменилась, – сказала мать Питера.

– И ты тоже, мама.

Питер старался говорить с нею таким же ровным голосом, каким и она, чувствуя, что он достиг идеального равновесия вежливости и презрения. Равновесия такого тонкого, что его невозможно было заметить, такого очевидного, что его невозможно было не заметить.

Стоявшая за этой раскаленной террасой Джулия чувствовала, как нагреваются ее ступни через тонкие подошвы сандалий на горячих камнях.

– Привет, Питер. – Она постаралась забыть о горящих подошвах, прошла по террасе и поцеловала брата, не прикасаясь к его щеке. – Хорошо выглядишь.

– И ты тоже.

Пауза.

– Хорошая погода, – сказал он.

Джулия обшарила свой быстро пустеющий мозг в поисках чего-нибудь рассудительного, чего-нибудь остроумного и осмысленного. Чего-нибудь такого, что показало бы, как она счастлива. Что она вовсе не развалина, какой она, по собственному мнению, и была. Она безмолвно повторяла про себя: «Противные прыщи Питера постоянно прыщавятся». Это помогало.

– Как поживает Дэвид? – спросил Питер.

– Ну, ты же его знаешь, – легкомысленно ответила Джулия. – Он приспособливается к чему угодно.

– Даже к тюрьме?

Джулия посмотрела на его спокойное красивое лицо. Что это было – оскорбление? Она так давно не встречалась с семьей, что совсем потеряла навыки. Она чувствовала себя, как давно не прыгавший парашютист, которого вдруг выкинули из самолета.

Четыре дня назад, сразу по приезде, она чувствовала себя уязвленной и усталой. Последняя улыбка, последний пустой комплимент, последнее вежливое обращение – все это было вымучено из нее за время катастрофы, какой был весь последний год во время процесса над Дэвидом. Она чувствовала себя преданной, униженной, брошенной на произвол судьбы – и вот приехала лечиться домой. К любящей матери и высоким, красивым братьям из ее волшебной, мистической памяти. Они наверняка позаботятся о ней.

Как-то так получилось, что она забыла, почему уехала от них. Но теперь, когда вернулась, воспоминания стали возвращаться.

– Только представить себе, – сказал Томас, – твой муж украл все эти деньги, а ты и понятия не имела. Это, наверно, было ужасно.

– Томас! – вмешалась мать, чуть покачивая головой.

В укор не за оскорбление Джулии, а за то, что он сказал это в присутствии персонала. Джулия чувствовала, как горячие камни шипят под ее ногами, но улыбнулась и не отступила.

– Твой отец... – начала было миссис Финни, но замолчала.

– Я слушаю, мама, – сказала Джулия, чувствуя, как что-то старое и знакомое начинает размахивать хвостом внутри ее. Что-то, спавшее десятилетия, проснулось и зашевелилось. – Ты сказала – мой отец?

– Ты же знаешь, как он к этому относился.

– Как он к этому относился?

– Послушай, Джулия, это неподобающий разговор.

Мать повернула к ней розовое лицо. Эти слова были произнесены с нежной улыбкой, руки слегка дрожали. Когда она в последний раз чувствовала прикосновение материнских рук?

– Извини, – сказала Джулия.

– Прыгай, Бин, прыгай!

Клара повернулась и увидела, как младшая сестра Питера прыгает по газону, легко касаясь ногами земли, а за ней бежит Бин с купальным полотенцем на шее и смеется. Но прыгать не прыгает. «Бин не меняется», – подумала Клара.

– Фу-у-у... – выдохнула Мариана, через несколько секунд появившись на террасе.

С нее капал пот, словно она выбежала из-под душа. Он взяла кончик шарфа и отерла глаза.

– Бин прыгает? – спросила она у семьи.

Прореагировал только Томас: он хмыкнул, выражая таким образом свое отношение к ее вопросу.

При такой жаре и влажности кожа Клары под бюстгалтером зудела. Она засунула руку под блузку и поправила его. Она слишком поздно огляделась вокруг. Мать Питера снова уставилась на нее, словно обладала каким-то специальным радаром.

– Как твое искусство?

Этот вопрос застал Клару врасплох. Она предполагала, что спрашивать об этом будут Питера, и занималась тем, что счищала томатные подтеки с блузки.

– Мое? – Клара посмотрела на Джулию. Эту сестру Питера она знала меньше всего. Но она слышала рассказы Питера и тут же насторожилась. – Ну, ты знаешь, это всегда борьба.

Это был простой ответ – то, чего они и ждали. Неудачница Клара, которая называет себя художницей, чьи картины не покупаются. Которая делает какие-то смешные вещи вроде манекенов с пышными прическами или тающие деревья.

– Я слышала про твое последнее шоу. Неплохой отзыв.

Клара села прямее. Она знала, что многим людям удастся задать первый вежливый вопрос. Но редкому человеку удастся задать такой же второй.

Может быть, Джулия говорила искренне?

– «Воинственные матки», так это называется? – спросила Джулия.

Клара взглядела в ее лицо – нет ли в нем насмешки – и кивнула. Да, по экономическим меркам серию «Воинственные матки» нельзя было назвать успешной, но эмоционально эта ее работа стала триумфом. Клара подумала, не подарить ли Джулии одну из картин серии на Рождество, но потом решила, что это будет слишком.

– Разве мы тебе не говорили?

К ним подошел улыбающийся Питер. На семейном сборе это всегда было плохим знаком. Чем изобретательнее становились уколы, тем чаще Финни улыбались. Клара попыталась поймать его взгляд.

– Не говорили что? – спросила Сандра, чувствуя, что приближается что-то неприятное.

– О работе Клары.

– Я бы хотела еще пива, – сказала Клара.

Никто не обратил на нее внимания.

– И что о ее работе? – спросил Томас.

– Ничего, – сказала Клара. – Куча всякого дерьма. Ты же меня знаешь. Сплошные эксперименты.

– К ней обратились с предложением из галереи.

– Питер! – пресекла его откровения Клара. – Я думаю, не стоит об этом говорить.

– Но они наверняка хотели бы услышать, – сказал Питер. Он вытащил руку из кармана брюк, и карман вывернулся наружу – этакое пятно на его в остальном безукоризненном внешнем виде. – Клара скромничает. Галерея Фортена в Монреале хочет устроить ее выставку. В Три Сосны приезжал сам Дени Фортен – посмотреть ее работы.

Молчание.

Ногти Клары впились в ладони. Слепень нашел подходящий участок кожи у нее за ухом и укусил.

– Замечательно, – сказала Кларе мать Питера. – Я очень довольна.

Удивленная Клара повернулась к свекрови. Она ушам своим не верила. Может быть, она была слишком жестока все это время? Несправедливо судила свекровь?

– Они часто бывают слишком толстые.

Улыбка сошла с лица Клары. Слишком толстые?

– И майонез в них не настоящий. Но шеф-повар Вероника снова превзошла саму себя. Ты пробовала сэндвичи с огурцом, Клер? Они великолепны.

– Да, они хороши, – согласилась Клара с маниакальным энтузиазмом.

– Мои поздравления, Клара. Прекрасная новость! – Голос был мужской, радостный и вроде бы знакомый. – *Félicitations*.³⁵

К ней по газону легкими шагами шел атлетически сложенный человек средних лет, в забавной шляпе. Рядом с ним – невысокая изящная женщина, в такой же шляпе с широкими полями от солнца.

– Рейн-Мари? – Клара уставилась на женщину, не веря своим глазам. – Питер, это Рейн-Мари?

Питер тоже смотрел на приближающуюся пару, и челюсть у него чуть не отвисла от удивления. Клара ощутила аромат туалетной воды «Джой» от Жана Пату и испытала чувства, соответствующие этому названию.³⁶ Ее словно в последний момент избавили от предстоящей

---

³⁵ Мои поздравления (*фр.*).

³⁶ Joy в переводе с английского означает «радость».

пытки. После объятий она уставилась на Рейн-Мари Гамаш, чтобы окончательно убедиться. Нет, это была не иллюзия – перед ней стояла улыбающаяся Рейн-Мари. Клара чувствовала недовольные взгляды у себя за спиной, но ей было все равно. По крайней мере, теперь.

Арман Гамаш поцеловал ее в обе щеки и дружески пожал руку.

– Мы так рады за вас. И за Дени Фортена. – Он оглядел окаменевшие лица на террасе. – Он ведущий торговец произведениями искусства в Монреале. Вы, вероятно, это знаете. Это настоящий успех.

– Правда?

Голос матери прозвучал одновременно снисходительно и неодобрительно. Словно в успехе Клары было что-то непристойное. И безусловно, это было грубым вмешательством в приватные семейные дела. Но вероятно, хуже всего было то, что миссис Финни получила неопровержимое свидетельство: Питер водит знакомство с людьми из кладовки для швабр. Одно дело было играть с ними в бридж, оказавшись в одной гостинице на краю света: хорошее воспитание обязывает. Но другое дело – водить с ними дружбу.

Гамаш подошел к Питеру и пожал ему руку:

– Привет, старина.

Гамаш улыбался, а Питер смотрел на него как на нечто из ряда вон выходящее.

– Арман, вас-то каким ветром сюда занесло?

– Ну, это ведь всего лишь гостиница, – рассмеялся Гамаш. – Мы здесь празднуем наш юбилей.

– Слава богу, – произнесла Клара и шагнула к Рейн-Мари.

Питер тоже хотел подойти к ним, но его остановило легкое покашливание за спиной.

– Наверное, мы сможем поговорить позже, – сказала Рейн-Мари. – Вам нужно побыть с вашей очаровательной семьей.

Она еще раз наскоро обняла Клару, которая не хотела ее отпускать, хотя ничего другого ей не оставалось. Клара проследила взглядом за тем, как Гамаши по лужку направились к озеру. Она почувствовала, что по шее стекает струйка пота, провела рукой по коже сзади, посмотрела и с удивлением увидела на пальцах кровь.

Глава шестая

После ланча, который продолжался тысячу лет, Кларе наконец удалось улизнуть. Первым делом она хотела отправиться на поиски Гамашей.

– Я думаю, мама хотела бы, чтобы мы остались здесь, – возразил Питер, расхаживая по каменной террасе.

– Идем. – Она заговорщицки взглянула на него и протянула руку. – Не трусь.

– Но это же семейный сбор.

Питеру очень хотелось пойти с ней. Взять ее за руку, пробежаться по этой идеальной лужайке и найти Гамашей, с которыми они были дружны. За ланчем, пока остальные либо молча ели, либо обсуждали новости биржевого рынка, Питер и Клара взволнованно и возбужденно перешептывались о Гамашах.

– Видела бы ты свое лицо, – сказал Питер, стараясь говорить тихо. – Совершенно потрясенное и возбужденное, как у Дороти, впервые увидевшей Великого и Ужасного из страны Оз.

– Я думаю, ты слишком много времени проводишь с Оливье и Габри, – с улыбкой сказала Клара. Прежде она никогда не улыбалась на семейных сборах, так что это казалось странным. – К тому же ты и сам выглядел как Железный Дровосек – совершенно ошалевший. Ты можешь поверить, что Гамаша тоже здесь? Может, ускользнем и посидим с ними где-нибудь сегодня?

– Не вижу причин, почему бы нам это не сделать, – сказал Питер, прячась за теплой сдобной булочкой.

Мысль о том, чтобы провести несколько часов с друзьями вместо мучительной тяготы с семьей, радовала его.

Клара уже успела посмотреть на часы. Два пополудни. Еще двадцать часов. Если она ляжет в одиннадцать, а встанет в девять, то останется всего... она попыталась вычислить это в уме... всего придется провести одиннадцать часов с семейкой Питера. Пожалуй, она осилит это. А если вычесть два часа с Гамашами, то останется всего девять часов. Господи боже, всего-то ничего. И тогда они смогут вернуться в свою маленькую деревню Три Сосны и жить себе спокойно до следующего приглашения через год,

«Не думай об этом».

И вот теперь Питер задержался на террасе – Клара втайне знала, что так оно и будет. Она еще за ланчем почувствовала, что ему не хватает духу. И все-таки притворяться было забавно. Это все равно что играть в эмоциональный маскарад. Хотя бы один раз сделать вид, что ты храбрец.

Но в конечном счете он не сумел это сделать. И Клара не смогла его оставить. А потому медленно вернулась.

– Зачем ты сказал своему семейству о моей персональной выставке? – спросила она Питера.

Ей самой пока было неясно, задирает она его или нет. Чтобы наказать за то, что он вынул ее остаться.

– Я подумал, что они должны знать. Они всегда с таким небрежением относятся к твоей работе.

– А ты – нет? – Клара почувствовала, как в ней закипает злость.

– Как ты можешь такое говорить?

Питер обиженно посмотрел на нее, и она поняла, что сказала это, чтобы сделать ему больно. Она ждала: вот он сейчас скажет, что все эти годы она сидела на его шее. Что он обеспечил им крышу над головой и кормил ее. Но он промолчал, и это вызвало у нее еще большее раздражение.

Внезапно Клара увидела у него на щеке капельку взбитого крема, похожую на прыщик. Будь это аэроплан, она удивилась бы не больше, настолько непривычным было видеть что-то неуместное на ее муже. Он был такой великолепный, такой безукоризненный. Одежда на нем никогда не мялась, все стрелочки оставались идеальными, на материи ни пятнышка, ни малейшего дефекта. Что это там было такое в «Звездном пути»? Захватный луч? Нет, что-то другое. Щиты. Питер шел по жизни с поднятыми щитами, отражая атаки еды, напитков и людей. Клара подумала, уж не звучит ли в его голове тоненький шотландский голосок: «Капитан, щиты опущены. Я не могу их поднять».

Но Питер, дорогой Питер, не замечал маленького воздушного белого инопланетянина на своем лице.

Клара знала, что должна что-то сказать. Или, по крайней мере, стереть эту капельку крема, но ее все достало.

– Что случилось? – спросил Питер, озабоченный и испуганный назревающим конфликтом.

– Ты сказал своей семье о галерее Фортена, чтобы вызвать у них раздражение. В первую очередь у Томаса. Ко мне это не имеет никакого отношения. Ты использовал мое искусство в качестве оружия.

«Капитан, она прорывается».

– Как ты можешь так думать?

Но голос его звучал неуверенно – Кларе редко доводилось слышать такое.

– Прошу тебя, не говори больше с ними о моем искусстве. И вообще ни о чем личном. Им это все равно, а меня ранит. Наверно, не следовало бы мне обижаться, но это выше моих сил. Ты можешь это сделать?

Она обратила внимание, что карман его брюк все еще вывернут. Ничто в жизни еще не выбивало ее так из колеи.

– Извини, – сказал наконец Питер. – Но дело было не в Томасе. Больше не в Томасе. Я думаю, что привык к нему. Дело было в Джулии. Увидел ее – и все во мне взбунтовалось.

– Она показалась мне довольно милой.

– Мы все такими кажемся.

– Еще двадцать часов, – сказала Клара, посмотрев на часы, потом протянула руку и стерла взбитый крем с его щеки.

* * *

Гамаша шли по тропинке, как вдруг услышали, что кто-то их окликает. Они остановились.

– Вот вы где, – тяжело дыша, сказала мадам Дюбуа. Она несла корзинку трав из огорода. – Я оставила записку на стойке. Звонил ваш сын из Парижа. Сказал, что его не будет сегодня вечером, но он позвонит еще.

– *Quel dommage*,³⁷ – сказал Гамаш. – Ну ничего, как-нибудь соединимся. *Merci*. Позвольте, я это понесу?

Он взял корзинку за ручку, и после некоторого колебания мадам Дюбуа с благодарностью отдала ему свою ношу.

– Температура все повышается, – сказала она. – И влажность меня убивает.

Она развернулась и пошла по тропинке со скоростью, удивившей Гамашей.

– Мадам Дюбуа... – Гамаш обнаружил, что с трудом поспевает за женщиной, которой, по его подсчетам, перевалило за сто двадцать лет. – У нас вопрос.

---

³⁷ Какая досада (*фр.*).

Она остановилась, дожидаясь их.

– Нас заинтересовал мраморный куб.

– Какой мраморный куб?

– Pardon?³⁸ – спросил Гамаш.

– Pardon? – спросила мадам Дюбуа.

– Большой мраморный куб по другую сторону «Усадьбы». Я видел его вчера вечером и сегодня утром. Ваша садовница не знает, для чего он, а Пьер сказал, чтобы мы спросили у вас.

– Ах да, ош, та мраморная штука, – сказала мадам Дюбуа так, словно были и другие. – Понимаете, нам очень повезло. Мы... – И она пробормотала что-то невнятное, потом пошла дальше.

– Я не расслышал, что вы сказали.

– О. Ну хорошо. – Она вела себя так, словно они пыткой вымучивали из нее эти сведения. – Это для статуи.

– Для статуи? Правда? – спросила Рейн-Мари. – Чьей статуи?

– Мужа мадам Финни.

Арман Гамаш увидел Берта Финни в мраморе в центре их любимого сада в «Охотничьей усадьбе». Где он останется навсегда. Его жуткое лицо высечено в мраморе и вечно смотрит на них или бог знает на что.

Выражение их лиц, вероятно, насторожило мадам Дюбуа.

– Не этого, конечно. Первого. Чарльза Морроу. Понимаете, я его знала. Прекрасный был человек.

Гамаша, прежде и не задумывавшиеся об этом, неожиданно многое поняли. Как Спот Финни стал Питером Морроу. Его мать вышла замуж еще раз. Она была Морроу, а стала Финни, в отличие от всех остальных. Они все считали себя Финни, хотя таковыми не являлись. Они были Морроу.

Возможно, это хотя бы частично объясняло, почему на семейном сборе, созванном для того, чтобы отдать дань уважения отцу, Берта Финни словно бы и не замечали.

– Чарльз Морроу умер довольно давно, – продолжала Клементин Дюбуа. – Сердце. Семья проведет небольшую церемонию открытия памятника сегодня перед коктейлем. Статую привезут приблизительно через час. Она будет прекрасным украшением сада.

Она мельком кинула на них взгляд.

Судя по мраморному пьедесталу, статуя предполагалась огромная, подумал Гамаш. Выше некоторых деревьев, хотя деревья, к счастью, будут продолжать расти, а статуя – предположительно – нет.

– А скульптуру вы видели? – спросил Гамаш нарочито небрежно.

– О да. Она огромная. Обнаженная, конечно, с цветами вокруг головы и маленькими крыльями. Им повезло найти красный мрамор.

Глаза Гамаша расширились, брови приподнялись. Потом он увидел ее улыбку.

– Ах вы, негодница! – расхохотался он, услышав ее смешок.

– Неужели вы думаете, что я бы сделала такое с вами? Я люблю этот дом, – сказала мадам Дюбуа, продолжая идти к распашной сетчатой двери в прохладную «Усадьбу». – Но расходы на его содержание с каждым годом растут. В этом году нам нужно купить новый котел. Да и кровлю вскоре придется менять.

Супруги задрали голову, чтобы посмотреть на медную крышу, которая со временем окислилась и позеленела. Стоило Гамашу посмотреть на эту крышу, как у него закружилась голова. Кровельщика из него никогда бы не получилось.

---

³⁸ Прошу прощения? (фр.)

– Я говорила с одним мастером абенаки об этой работе. А вы знаете, что этот дом когда-то и построили абенаки?

– Нет, я не знал, – сказал Гамаш, любивший историю Квебека. – Я думал, это сделали «бароны-разбойники».

– Они заплатили за работу, но построили его индейцы и квебекцы. Раньше это был дом для охотников и рыболовов. Когда мы с мужем купили его пятьдесят лет назад, он был заброшен. На чердаке валялись чучела голов. Возникало впечатление скотобойни. Отвратительно.

– Вы поступили мудро, приняв предложение Финни. – Он улыбнулся. – И их деньги. Лучше уж иметь Чарльза Морроу в саду и сделать ремонт, чем потерять все.

– Будем надеяться, что он не в обнаженном виде. Я статую не видела.

Она направилась к кухне, и Гамаши проводили ее взглядом.

– Что ж, по крайней мере, у птиц будет еще одно место, где гнездиться, – сказал Гамаш.

– По крайней мере, – сказала Рейн-Мари.

* * *

Отправившись искупаться, Гамаши нашли Питера и Клару на пристани.

– А теперь скажите нам, что происходит в вашей жизни, начиная с Дени Фортена и вашего искусства. – Рейн-Мари похлопала ладонью по стулу. – И ничего не упустите.

Питер и Клара сообщили им обо всех событиях, произошедших в Трех Соснах, потом, после некоторого нажима, о появлении в их скромном доме знаменитого галериста и о следующем визите Фортена вместе с партнерами, после чего наступило мучительное ожидание, пока они решали, можно ли Клару Морроу в сорок восемь лет признать начинающим художником, которого они могут спонсировать. В мире искусства все знали: если твою работу одобряет Дени Фортен, то ее одобряет весь мир искусства. И тогда все становится возможным.

И вот после десятилетий, потраченных на безуспешные попытки добиться хоть какой-то известности, у Клары на следующий год намечалась персональная выставка в галерее Фортена.

– Что вы об этом думаете? – тихо спросил Гамаш, когда они с Питером покинули женщин и отошли на другой конец пристани.

– Это замечательно.

Гамаш кивнул и, сцепив руки за спиной, посмотрел на дальний берег, ожидая, что последует дальше. Он знал Питера Морроу. Знал, что тот порядочный и добрый человек, который больше всего в жизни любит жену. Но еще он знал, что это Питера своими размерами не уступает его любви. То есть оно огромно.

Молчание слишком затянулось, и Питер рассмеялся:

– Что?

– Ведь к успехам привыкли вы, а не она, – прямо сказал Гамаш. Что толку притворяться? – Естественно было бы испытывать некоторую... – он поискал подходящие слова, – смертоубийственную зависть.

Питер снова рассмеялся и с удивлением услышал, что звук его смеха усиливается эхом.

– Вы же знаете художников. Мне пришлось сделать над собой кое-какие усилия – думаю, вы об этом догадываетесь, – но видеть Клару счастливой...

– Не уверен, что Рейн-Мари была бы счастлива, стань я библиотекарем, как она, – сказал Гамаш, глядя на жену, которая оживленно разговаривала с Klarой.

– Я могу себе представить, как вы оба работаете в Национальной библиотеке Монреаля, распространяя волны недовольства между стеллажами. В особенности если бы вы получили повышение.

– Этого не случится. Я не умею писать. Каждый раз приходится повторять алфавит, когда я отыскиваю чей-нибудь телефон в записной книжке. Рейн-Мари от этого чуть с ума не сходит.

Но если вы хотите смертоубийственных ощущений, то пообщайтесь с библиотекарями, – доверительно сказал Гамаш. – Столько тишины вокруг. Оттого им и приходят в голову всякие идеи.

Они рассмеялись, а подойдя к женщинам, услышали, как Рейн-Мари рассказывает о том, как они проводят здесь время:

– Поплавать, поспать, поплавать, выпить белого вина, пообедать, поплавать, поспать.

На Клару это произвело впечатление.

– У нас была целая неделя, чтобы довести этот режим до совершенства, – призналась Рейн-Мари. – Над такими вещами нужно работать. А вы чем будете заняты?

– Покататься на лодке, открыть памятник, напиток, поунижать себя, извиниться, похандрить, поесть, поспать, – сказала Клара. – За двадцать лет я довела программу семейного сбора до совершенства. Впрочем, открытие памятника – это что-то новенькое.

– Речь идет о статуе вашего отца? – спросил Гамаш у Питера.

– Отца семейства. Лучше уж здесь, чем в нашем саду.

– Питер, – мягко сказала Клара.

– Ты бы хотела, чтобы у нас в саду? – спросил Питер.

– Нет, но я почти не знала твоего отца. Он был очень красив, как и сын.

– Я ничуть на него не похож, – отрезал Питер совершенно несвойственным ему тоном, чем немало удивил Гамашей.

– Вы не любили своего отца? – спросил Гамаш.

Это предположение казалось безопасным.

– Я любил его в той же мере, что и он меня. Разве не так обычно происходит? Вы получаете ровно столько, сколько даете. А он не давал мне ничего.

Наступило молчание.

– После смерти отца Питера его мать вышла замуж еще раз, – сообщила Клара. – За Берта Финни.

– Он был клерком в компании моего отца, – сказал Питер, кидая камешки в спокойную воду озера.

Клара знала, что Берт был кое-чем большим, чем клерк. Но еще она знала, что сейчас не лучший момент, чтобы поправлять мужа.

– Жду не дождусь, когда это кончится. Мать не хочет, чтобы мы видели статую до открытия, а потому Томас предложил нам всем покататься на лодке.

Он кивнул в сторону деревянной гребной лодки, привязанной к пристани. Она была необычайно длинная, с двумя рядами весел.

– Это называется *verchère*, – удивленно сказала Рейн-Мари, много лет не видевшая таких лодок.

– Верно, – сказал Питер. – Мы участвовали в местной регате на вершерах-семерках. Томас решил, что это хороший способ провести время. Что-то вроде дани памяти отцу.

– Томас называет вас Спотом, – вспомнил Гамаш.

– Почти всю жизнь так называл.

Питер выставил вперед руки. Рейн-Мари и Гамаш наклонились, словно собираясь поцеловать кольцо на пальце монарха. Но вместо кольца они обнаружили крапинки. Пятнышки.

– Краска, – сказала Рейн-Мари, распрямляясь. – Скипидар это выведет.

– Неужели? – спросил Питер с насмешливым удивлением. Потом улыбнулся. – Это свежее. Замарался сегодня утром у себя в мастерской. Но они всю жизнь у меня на руках, на лице, на одежде, на волосах. Томас обратил на это внимание, когда я был еще мальчишкой, и стал называть меня Спот.

– Томас все замечает, мне кажется, – сказал Гамаш.

– Он от природы – мусорный бачок, – согласился Питер. – Собирает разговоры, события, а годы спустя использует их против вас. Собирает, перерабатывает, выдает на гора. У нашего Томаса никогда ничего не пропадает.

– Значит, откуда взялось прозвище Спот, понятно, – сказала Рейн-Мари. – А что насчет вашей сестры Марианы? Почему ее называют Маджиллой?

– Ну, это по какому-то телевизионному шоу, которое она любила смотреть в детстве. «Горилла Маджилла». Она на нем заиклилась. Отец приходил домой, как раз когда шла эта передача, и требовал, чтобы мы все встречали его у дверей, как большая счастливая семья. А Мариана всегда была в подвале – смотрела телевизор. Отцу приходилось кричать, чтобы она вышла. Каждый вечер она с плачем поднималась по ступенькам.

– Значит, Томас назвал ее Маджиллой по имени гориллы? – спросил Гамаш, начиная понимать характер этого человека.

Питер кивнул.

– А как называли его вы?

– Томас. Я в семье всегда был самой творческой личностью.

Они сидели на пристани, наслаждаясь легким ветерком. Питер слушал, как Клара рассказывает о приезде Дени Фортена в ее мастерскую, о показанном ему портрете их общего друга Рут, старой, увядшей поэтессы. Озлобленной, оцетинившейся, блестящей. По какой-то причине Питер не надеялся понять, почему Клара изобразила Рут как Мадонну. Разумеется, не как невинную деву, а как старую, забытую всеми женщину, одинокую и испуганную, доживающую свои последние годы.

Питер в жизни не видел произведения искусства прекраснее, а уж он-то повидал истинные шедевры. Но никогда он не видел ничего более необычного, чем эта картина в маленькой мастерской Клары, набитой забракованными картинами, журналами, свернувшимися и засохшими шкурками апельсина, – и все это рядом с ее аккуратным, профессиональным рабочим пространством.

Но в то время как он в очередной раз брал привычный предмет, увеличивал его до неузнаваемости, а потом изображал в абстрактном виде и называл «Занавеска», или «Лезвие травы», или «Транспорт», Клара, копившая впечатления в своей маленькой мастерской, уловила нечто божественное в лице их морщинистой, встрепанной, злобной соседки. Старые руки с синими венами прижимали к высохшей шее синюю выцветшую шаль. На лице застыло выражение горя и разочарования, гнева и отчаяния. Вот только глаза смотрели иначе. Это было неочевидно. Лишь намек, предположение.

Крохотная точка в ее глазах. На всем громадном холсте Клара нарисовала одну-единственную точку. И этой точкой она изобразила надежду.

Это было великолепно.

Он был рад за нее. Искренне.

Резкий крик разорвал их размышления, и через мгновение все вскочили и помчались к «Усадьбе». Арман Гамаш бросился вперед в тот момент, когда маленькая фигурка выбежала из сада.

Бин.

Они увидели, как Бин с криком бежит к ним по лужку, с каждым шагом все больше впадая в истерику. Ребенка кто-то пытался догнать. Когда они приблизились, Гамаш узнал девушку-садовницу.

Питер и Клара, Гамаш и Рейн-Мари выбежали на лужок и раскинули руки, чтобы остановить ребенка, который почему-то попытался ускользнуть от них, но Питеру удалось поймать этого спринтера.

– Отпустите меня!

Чадо Марианы вопило и билось в руках Питера, словно тот представлял угрозу. Широко распахнутые глаза ребенка были устремлены на «Усадьбу».

Лужок заполнили люди – Морроу, Финни и кое-кто из персонала, прибежавший вслед за перешедшей на рысцу садовницей.

– От кого ты убегаешь, Бин? – Гамаш опустил на колени и взял ребенка за дрожащие руки. – Посмотри-ка на меня, – добрым голосом, но твердо приказал он. – Тебя кто-то обидел?

Он знал, что должен получить честный ответ, пока к ним не присоединились остальные, а они уже были рядом.

Испуганный ребенок вытянул вперед руку. На нежной коже появились покрасневшие вздутия.

– Что вы сделали с ребенком?

Было слишком поздно. Все уже собрались вокруг, и Гамаш перевел взгляд на обвиняющее лицо Айрин Финни. Он знал, что эта женщина умеет наводить страх на окружающих, а он восхищался сильными женщинами, уважал их, доверял им. Его воспитала сильная женщина, и женился он на сильной женщине. Но он знал, что сила не то же самое, что жестокость, а женщина, вселяющая в окружающих страх, не то же самое, что обычная задира. Кем же была она?

Он снова взглянул на пожилую женщину, жесткую, негибкую, требующую ответа.

– Отойдите от ребенка, – потребовала она, но Гамаш остался стоять на колени, игнорируя ее.

– Что случилось? – тихо спросил он.

– Я не виновата, – услышал он у себя за спиной, повернулся и увидел садовницу.

– Обычно такие слова означают прямо противоположное, – заявила миссис Финни.

– Айрин, пусть девушка сама скажет. Как вас зовут? – мягким голосом спросил Берт Финни.

– Коллин, – ответила девушка, отходя подальше от этого безобразного старика. – Это были осы.

– Это пчелы, – всхлипнул ребенок. – Я скачу вокруг Олимпа, а тут они на меня нападают.

– Олимпа? – переспросила миссис Финни.

– Мраморного куба, – сказала Коллин. – И это были осы, а не пчелы. Бин их не различает.

Гамаш наклонился и протянул свою большую руку. Ребенок помедлил, и, пока семья рассуждала о различиях пчел и ос, Гамаш рассмотрел все три вздутия. Они были красные и горячие на ощупь. Приглядевшись, Гамаш увидел под кожей жала с маленькими мешочками, наполненными ядом.

– Каламиновый раствор есть? – спросил он, и кто-то из молодого персонала побежал в дом.

Крепко держа руку ребенка, Гамаш быстро удалил жала и мешочки, взглянул в испуганные детские глаза – не проявится ли аллергическая реакция, готовый схватить дитя, посадить в машину и нестись в больницу в Шербрук. Он посмотрел на Рейн-Мари – та тоже явно готовилась к этому.

Кто был родителем, тот навсегда им остается.

Отек пока держался, но ничего серьезного Гамаш не увидел.

Рейн-Мари взяла бутылочку с жидкостью персикового цвета и, предварительно поцеловав места укуса, протерла их каламиновым раствором. Вокруг них семья вела спор о том, насколько эффективна каламиновая жидкость.

– Все, балаган закончился, – заявила миссис Финни. Она огляделась и, заметив лодку, направилась к пристани. – Ну, кто поедет?

После долгого обсуждения Питер и Томас принялись усаживать всех Морроу в вершер. Питер стоял в лодке, а Томас – на пристани, помогая миссис Финни, Мариане и Джулии. Покусанное пчелами чадо Марианы пробралось в лодку без посторонней помощи.

– Моя очередь, – сказала Сандра, и Томас препроводил ее к Питеру.

Клара шагнула вперед и протянула руку Питеру, но тот почему-то замешкался.

– Извини, – сказал Томас, обошел Клару и шагнул в лодку.

Он уселся, и все семейство устало на Питера, стоявшего перед последним свободным местом.

– Садись, а не то опрокинешь лодку вместе со всеми нами, – велела миссис Финни.

Питер сел.

Клара опустила руки. В воде она увидела отражение уродливейшего из всех людей на земле, стоящего рядом с ней.

– В вершере не всем хватает места, – сказал Берт Финни, когда лодка отчалила от пристани.

Глава седьмая

– Да я, в общем-то, и не хотела плыть, – сказала Клара, не глядя на Рейн-Мари. – Но сказала, что поплыву, потому что мне казалось, для Питера это важно. Так, вероятно, лучше.

– Не хотите присоединиться к нам, сэр? – спросил Гамаш, подойдя к Берту Финни и тоже заглядывая в воду озера.

Финни повернулся и уставился на Гамаша тревожным взглядом. Взгляд был таким не только из-за его отталкивающего лица и странных глаз, но и потому, что люди редко смотрят так открыто и так долго в чужие лица. Гамаш выдержал взгляд, и наконец губы Финни раскрылись, показался частокол желтых зубов, на лице появилось какое-то подобие улыбки.

– Нет, mercі, я, пожалуй, останусь здесь. – Он направился к концу пристани. – Семь сумасшедших Морроу в лодке. Что тут может случиться?

Гамаш снял свою широкополую шляпу и в полной мере ощутил, насколько горячи лучи солнца. На его памяти не было дня жарче. Жара была удушающая. Ни ветерка, ни дуновения, одно лишь безжалостное солнце, лучи которого усиливались, отражаясь от вод озера. От пота его свежая рубашка прилипла к телу. Он предложил свою шляпу старику.

Берт Финни очень медленно повернулся, словно боясь упасть в воду. Потом старческая рука, похожая на окоренную ветку, протянулась к Гамашу и взяла веселую цветастую широкополую шляпу.

– Но это ваша шляпа. Она вам самому нужна.

– Я предпочитаю думать о ней как о шлеме, – сказал Гамаш, отпуская шляпу. – И вам он нужен больше.

Финни хмыкнул и принял шляпу, погладил ее пальцами.

– Солнечный шлем. Интересно, кто же враг?

– Солнце.

– Пожалуй, – с сомнением сказал Финни.

Кивнув Гамашу, он надел шляпу на свою голову-спутник и повернулся лицом к озеру.

Час спустя к ним в саду присоединился Питер с красным от загара лицом. Клара с удовлетворением отметила это. Она решила делать вид, будто ничего не случилось, – не показывать своих чувств.

Гамаш предложил Питеру банку холодного пива, со стенок которой соскальзывал ледок. Питер прижал ее к своему покрасневшему лицу, прокатал по груди.

– Хорошо провел время? – спросила Клара. – Поболтал с членами семьи?

– Было неплохо, – сказал Питер, отхлебывая пиво. – Мы даже не утонули.

– Ты так думаешь? – сказала Клара и демонстративно затопала прочь.

Питер посмотрел на Гамашей и побежал за Кларой, но, приблизившись к «Усадьбе», он заметил громадное полотняное покрывало, которое словно парило в воздухе.

Привезли статую. Привезли его отца. Питер остановился и вперился взглядом в прибывший груз.

– Да черт побери, ты ни на секунду не можешь расстаться со своей семейкой! Даже если бежишь за мной – и то останавливаешься! – закричала Клара с другой стороны «Усадьбы».

Ей было уже все равно: пусть себе все подозрения Морроу оправдываются. Пусть она непостоянная, эмоциональная истеричка. Сумасшедшая. Но они ничуть не лучше.

Семь сумасшедших Морроу.

– Боже мой, Клара, извини. Что я могу сказать? – выпалил Питер, догнав жену.

Клара хранила молчание.

– Я сегодня ни на что не гожусь. Что мне сделать, чтобы улучшить ситуацию?

– Ты что, шутишь? Я ведь не твоя мамочка. Тебе пятьдесят, а ты спрашиваешь, как тебе исправить все? Ты тут нагадил, ты и вытирай.

– Извини. В моей семье все психи. Наверно, нужно было сказать тебе об этом раньше.

Он одарил ее мальчишеской улыбкой, от которой ее сердце растаяло бы, если бы уже не успело превратиться в мрамор. Наступило молчание.

– И всё? – спросила Клара. – И все извинения?

– Я не знаю, что должен сделать, – сказал Питер. – Хотелось бы мне знать.

Он стоял потерянный. Как и всегда, когда она злилась.

– Мне очень жаль, – повторил он. – В лодке не было места.

– А когда оно будет?

– Я тебя не понимаю.

– Ты мог бы остаться со мной.

Он уставился на нее, словно она сказала ему, что он может раскинуть крылья и полететь. Она это видела. Это было все равно что требовать от Питера невозможного. Но она еще верила, что Питер Морроу может летать.

Глава восьмая

Церемония открытия памятника длилась недолго и прошла достойно. Морроу сидели полукругом перед задрапированной статуей. День клонился к вечеру, и деревья отбрасывали длинные тени. Сандра отмахнулась от пчелы в сторону Джулии, которая перенаправила ее к Мариане.

Гамаш и Рейн-Мари сидели под огромным дубом рядом с домом, наблюдая за церемонией с уважительной дистанции. Морроу протирали сухие глаза и влажные лбы.

Клементин Дюбуа, стоявшая рядом со статуей, протянула Айрин Финни веревку и показала, как нужно дернуть.

Гамаша подалась вперед, а Морроу едва заметно подалась назад. Последовала пауза. Гамаш подумал, что миссис Финни, кажется, медлит сдергивать холстину со статуи. Не решается обнажать и освобождать своего первого мужа.

Пожилая женщина потянула веревку. Потом еще раз. Чарльз Морроу словно цеплялся за холстину. Не желал представать перед людьми.

Наконец, после резкого рывка, холстина упала.

И перед ними предстал Чарльз Морроу.

* * *

Во время обеда статуя была единственным предметом разговоров в кухне. Шеф-повар Вероника пыталась успокоить взволнованный персонал, заставить их сосредоточиться на заказах, но это было трудно. Улучив спокойное мгновение, когда она помешивала подливку для баранины, а Пьер стоял рядом, руководя подготовкой десерта, она спросила у него низким, бархатным голосом:

– Ну и как она выглядит?

– Не так, как можно было ожидать. Ты что, не видела?

– Не было времени. Думала, выдастся минутка позднее – пойду взгляну. Что, так ужасно? Детишки вроде были напуганы.

Она посмотрела на молодых официантов и кухонных работников, сбившихся в тесные группки: кто-то возбужденно говорил, другие стояли с широко открытыми глазами, словно слушали страшилку у костра. Глядя на них, Пьер подумал: вот ведь пугают друг друга до одурения.

– Воп, хватит! – Он хлопнул в ладоши. – За работу!

Но он постарался произнести это одобрительно, а не жестко.

– Клянусь, что она двигалась, – раздался знакомый голос из одной из групп.

Пьер повернулся и увидел Элиота в окружении других работников. Они захихикали.

– Нет-нет, я серьезно.

– Элиот, хватит, – сказал Пьер. – Статуи не двигаются, и ты это знаешь.

– Конечно, вы правы, – сказал Элиот.

Но его тон был лукавым и снисходительным, словно он услышал от метрдотеля что-то глуповатое.

– Пьер, – прошептала Вероника у него за спиной.

Он выдавил улыбку на лице.

– Ты что, опять салфетку выкурил, молодой человек?

Остальные – и даже Элиот – рассмеялись. Скоро эскадрон официантов вышел через распашную дверь – понесли гостям еду, соусы, хлеб и вино.

– Молодец, – сказала шеф-повар Вероника.

– Чертов Элиот! Извини. – Метрдотель посмотрел на Веронику извиняющимся взглядом. – Но он намеренно пугает других.

Он принялся насыпать сахар в фарфоровую сахарницу, и она с удивлением увидела, что руки у него дрожат.

– Теперь у нас сахара хватает? – Она кивнула на пустой пакет с сахаром в его руке.

– Вполне. Странно, что он тогда кончился. Ты не думаешь...

– Что? Элиот? Зачем ему это?

Метрдотель пожал плечами:

– Когда случается что-то необычное, можно не сомневаться, что за этим стоит он.

Шеф-повар Вероника была с ним согласна. За долгие годы у них прошло выучку немало молодых ребят. Сотни. Но Элиот среди них оказался один.

«Он их так любит, – думала Вероника, глядя на Пьера. – Словно это его дети». И она не в первый раз спросила себя, насколько ему не хватает отцовства. Из него получился бы хороший отец. Он учил этих ребят, воспитывал их. Мало того, он обеспечил им стабильное существование и уютный дом. В этом медвежьем углу у них было все, что необходимо человеку. Хорошая еда, теплая постель и твердая почва под ногами. Пьер отказался от собственных детей ради дома в этой глуши и заботы о других людях и детях других людей. Они оба пошли на это. Но вот по прошествии почти тридцати лет один из них, кажется, вывел Пьера из себя. Шеф-повар Вероника любила природу и уделяла немало времени ее изучению, и она знала, что из чрева и из чаши иногда появляется нечто неестественное. Она думала об Элиоте и спрашивала себя, а на самом ли деле этот красивый молодой человек является тем, чем кажется.

* * *

– Что ты думаешь о статуе? – спросила Рейн-Мари, когда после обеда они сидели за чашечкой кофе с коньяком.

Темноту рассекали только светляки, мелькавшие здесь и там. Морроу все еще были в доме, ели в тишине, и весь мир принадлежал Гамашам.

Гамаш задумался на секунду.

– Я был поражен.

– И я тоже, – сказала она, глядя в ту сторону, где стоял памятник.

Но вечер был темен, и она не видела худого, усталого лица Чарльза Морроу. Красивого человека, превратившегося в камень.

После открытия памятника ветер неуклонно набирал силу. Но он не освежал, а, казалось, нес с собой еще больше жары и влажности.

Из открытых окон Большого зала доносились звуки музыки Баха.

Арман ослабил галстук:

– Вот так получше будет. Ты видела? – Он показал на озеро, хотя нужды в этом не было.

– Молния, – сказала Рейн-Мари. – Пьер был прав. Будет гроза.

Ее муж шевелил губами, произнося шепотом цифры, – отсчитывал секунды между светом и звуком. И вот издалека донеслось глухое урчание. Гром прогреготал, затих и снова отозвался рокотом.

– Еще далеко, – заметил Гамаш. – Может, и пройдет стороной. Грозы иногда тормозятся в долинах.

Но на самом деле он не думал, что гроза обойдет их стороной. Вскоре всей этой тишине и спокойствию придет конец.

– Потерянный рай, – пробормотал он.

Рейн-Мари продекламировала:

Он в себе
Обрел свое пространство, и создать
В себе из Рая – Ад и Рай из Ада
Он может.³⁹

Вот так-то, месье. Это рай. Он всегда будет раем.
– Ты говоришь про это место? Про «Охотничью усадьбу»?
– Нет. – Она обняла его. – Я говорю про *это* место.

* * *

– Пожалуйста, отнеси в Большой зал. – Пьер передал серебряный поднос с кофе, глинтвейном и шоколадом одному из официантов. – Это для мадам Мартин.
– Эй, я тебя подменю. Я возьму это. – Элиот, стоявший у дверей, потянулся к подносу. – Я видел, как она вышла в сад покурить. А ты можешь взять мой. Это для миссис Морроу.
– Это та, которая растрепанная? – с надеждой спросил официант.
– Нет, которая сдувшаяся, как воздушный шарик, – сказал Элиот. – Сандра Морроу. – Заметив выражение лица другого официанта, он понизил голос. – Слушай, я знаю, куда миссис Мартин ходит курить. Ты будешь бродить вокруг без толку и так и не найдешь ее.
– Откуда ты знаешь, куда она ходит? – прошептал другой официант.
– Просто знаю, и все.
– Оставь, старина. Не понесу я это миссис Морроу. Она пошлет меня за добавкой шоколада, или за другим сортом, или за большей чашкой кофе. Отвяжись.
Официант не выпускал подноса из рук, а Элиот тянул его на себя.
– Что тут происходит? Почему вы оба еще здесь?
Они подняли глаза: метрдотель стоял рядом с ними. Он смотрел на их руки – все четыре цеплялись за серебряный поднос, предназначенный Джулии Мартин. Шеф-повар Вероника, выкладывавшая на тарелку миниатюрные *rôtisserie*,⁴⁰ прекратила работать и уставилась на них.
– Элиот, разве это не твой поднос? – Метрдотель кивнул на поднос, стоящий на старом сосновом буфете.
– Да что за проблема? Мы просто торгуемся.
– Ничего мы не торгуемся, – сказал второй официант, вырывая поднос из рук Элиота. При этом он расплескал немного кофе.
– Все, хватит. Возьми другой поднос и кофе, – приказал Пьер официанту. – А ты иди со мной.
Он отвел Элиота в дальний конец кухни. Избежать там взглядов исподтишка они не могли, но для посторонних ушей их разговор был недостижим.
– В чем дело? Между тобой и миссис Мартин что-то происходит?
– Нет, сэр.
– Тогда из-за чего этот сыр-бор?
– Просто я не выношу миссис Морроу, только и всего.
Пьер задумался. Он мог это понять. Ему она тоже не нравилась.
– Как бы то ни было, она наша гостья. Мы не можем обслуживать только тех, кто нам нравится. – Он улыбнулся Элиоту.
– Да, сэр. – Элиот не улыбнулся ему в ответ.

---

³⁹ Мильтон Джс. Потерянный рай. Книга 1. Перевод Арк. Штейнберга.

⁴⁰ Печенье (фр.).

– Вон, – сказал Пьер. – Я это отнесу.

Он забрал у удивленного официанта новый поднос, подготовленный для Джулии Мартин, и вышел из кухни.

– Чего хочет старик? – спросила одна из официанток у Элиота.

Тот взял поднос, чтобы отнести его Сандре Морроу, которая наверняка скажет, что ждала слишком долго и кофе остыл.

– Он не хочет, чтобы я обслуживал Джулию Мартин, – ответил Элиот. – Он оставляет ее для себя. Ты видела, как он на нее смотрит? Я думаю, он в нее втрескался, – пропел он подростковым фальцетом.

Они оба взяли подносы и вышли через распашные двери. У речи Элиота аудитория была больше, чем он думал. Шеф-повар Вероника вытерла руки о чайное полотенце и уставилась на дверь, которая раскачивалась туда-сюда, пока не остановилась.

* * *

– Завтра домой, – сказала Клара Гамашам по пути с террасы в библиотеку.

Скоро она сможет лечь в постель, проспав восемь часов, позавтракать с семьей, а потом отправиться в Три Сосны. И в самом деле, с семьей ей оставалось провести фактически еще часа два. Она в тысячный раз посмотрела на часы. Всего десять? Как это может быть? Неужели Морроу и время способны останавливать?

– А вы когда уезжаете? – спросила она.

– Через два дня, – сказал Рейн-Мари. – Сначала отметим юбилей нашей свадьбы.

– Конечно, – кивнула Клара, смущенная тем, что забыла. – Примите мои поздравления. Когда?

– Первого июля будет тридцать пять лет. В День Канады.

– Легко запомнить, – сказал Питер, дружески улыбаясь.

– Это была любовь с первого взгляда? – спросила Клара, садясь рядом с Рейн-Мари.

– Для меня – да.

– Но не для вас? – спросил Питер у Гамаша.

– И для меня тоже. Она имеет в виду свою семью.

– Неужели у вас тоже были проблемы с семьей супруга? – спросила Клара, которая жаждала услышать о том, что у кого-то такие же беды, как у нее.

– Не совсем. Они были замечательные, – сказала Рейн-Мари. – Проблемой был он.

Она кивнула на мужа, который прислонился к каминной полке, пытаясь притвориться невидимкой.

– Вы? А что случилось? – спросила Клара.

– Не забывайте, что я был молод, – напомнил он ей. – И влюблен. И не очень красноречив.

– У этой истории хороший конец, – сказал Питер Кларе.

– Рейн-Мари пригласила меня после воскресной мессы к себе домой – на ланч и познакомиться с ее семьей. Там были двадцать три сестры и брата.

– Девять, – поправила его жена.

– Я, конечно, хотел произвести на них впечатление, а потому целую неделю размышлял, что бы такое подарить ее матери. Что-нибудь не очень большое. Хотел оставаться в рамках. Но подарок не должен был быть и слишком маленьким. Чтобы не показался дешевым. Я потерял сон. Не мог есть. Эта проблема стала самой важной в моей жизни.

– И что вы подарили? – спросила Клара.

– Коврик для ванной.

– Вы шутите, – фыркнул Питер.

Гамаш отрицательно покачал головой, не в силах говорить. Когда остальные разразились смехом, Гамаш наконец обрел голос.

– Понимаете, – сказал он, отирая слезы, – коврик никогда не ломается.

– И не выходит из моды, но, по-моему, это в некотором смысле *je ne sais quoi*.

– После этого он научился выбирать подарки, – сказала Рейн-Мари.

– Мыльницы? – спросила Клара.

– Вантузы? – предположил Питер.

– Ш-ш-ш, – прошептал Гамаш. – Это сюрприз к нашему юбилею.

– Пусть тогда он и останется сюрпризом, – со смехом сказала Клара. – Только давайте оставим туалетную тему.

– Бога ради, не надо, – простонал Питер; он никак не мог прийти в себя после приступа смеха.

– Ну уж нет, – сказал Гамаш, хлопая Питера по руке. – Теперь ваша очередь, старина.

– Ладно, – согласился Питер и пригубил ликер. – Когда я впервые приехал в школу и стал распаковывать свои маленькие носочки, ботиночки и брючки, я обнаружил записочку, приколотую к моему блейзеру. Написана она была рукой отца и гласила: «Никогда не пользуйся первой кабинкой в общественном туалете».

С тех пор Питер вырос и пошел, но Гамаш видел перед собой маленького серьезного мальчика с пятнами на руках. Он читал записку и заучивал эти слова наизусть, как заучивают строку из Библии. Или стихотворения.

«Где тот мертвец из мертвецов?»

Что за человеком был Чарльз Морроу, если он оставил такое послание сыну? Гамаш хотел спросить Питера про статую, но у него пока язык не поворачивался.

– Хороший совет, – сказала Рейн-Мари, и все посмотрели на нее. – Если вы спешите, то куда идете? В первую кабинку.

Дальнейших комментариев не требовалось.

Питер задумался; он так до сих пор и не понял, что хотел донести до него отец, хотя в глубине души знал: это нечто важное.

Неужели все было настолько прозаично? Неужели это был обычный практический совет? Еще ребенком, затем подростком и даже – надо признаться самому себе – взрослым мужчиной он позволял себе фантазировать, воображал, что это какой-то тайный код. Переданный лишь ему. Доверенный ему. Его отцом. Код, который выведет его к сокровищу.

«Никогда не пользуйся первой кабинкой в общественном туалете».

И он не пользовался.

Гамаш уже собрался спросить мнение Питера о статуе, но тут вошел Томас.

– Вы разговаривали об общественных туалетах? – спросил он.

– О туалетах? – переспросила Мариана, входя в комнату вместе с Сандрой. – Бин расстроится, что не позвали. Десятилетние ребята обожают вести такие разговоры.

– Привет. – Через москитную дверь с террасы вошла Джулия с маленькой чашкой кофе в руке. – Там гром и молния. Я думаю, будет гроза.

– Нет, – саркастически сказал Томас. – Это Питер говорил о туалетах, Джулия.

– Не совсем так, – быстро вставил Питер.

Джулия уставилась на него.

– О мужских или о женских? – спросила Мариана с наигранным интересом.

– Видимо, о мужских, – ответил Томас.

– Ну все! С меня хватит!

Джулия швырнула свою чашку с кофе на пол, и та разбилась. Это действие было таким неожиданным, таким резким, что все в комнате подпрыгнули.

– Прекратите! – прохрипела она. – С меня хватит.

– Успокойся, – сказал Томас.

– Успокоиться, как ты? Ты думаешь, я не знаю? – Она начала улыбаться. Или, по крайней мере, показывать зубы. – Томас – это успех, это талант, – прошипела она, глядя на него. – А ты, – повернулась она к Мариане, – Горилла Маджилла! Неудачница с таким же неудачным ребенком. Бин. Бин? Это что еще за имя? Какого рода это дитя? Ты думаешь, что ты такая уж умная? Ну думай. А я-то знаю. Я знаю все. А ты... – Она посмотрела на Питера. – Ты хуже всех. «Дай, дай, дай!» Ты готов уничтожить всех и вся, чтобы получить то, что тебе надо, верно?

– Джулия... – У Питера перехватило дыхание.

– Ты не изменился. Жестокий и жадный. Пустышка. Трус и лицемер. Вы все приехали сюда, чтобы подлизаться к матери. Вы ненавидели отца. И он это знал. Но я знаю кое-что, вам неизвестное.

Она подошла и наклонилась над Питером. Он не шелохнулся, не сводил глаз с картины над камином. С картины Кригхоффа. С линий и цветов, которые он понимал. Истерики его сестры были непредсказуемыми, ужасающими.

– Я знаю тайну папочки, – прошипела Джулия. – Нужно было жить как можно дальше от вас, чтобы сообразить. Но наконец до меня дошло. И вот я вернулась. И я знаю.

Она злорадно ухмыльнулась и оглядела комнату. Ее глаза остановились на Гамашах. На мгновение она смешалась, удивившись их присутствию.

– Извините, – запинаясь, проговорила она. Приступ закончился, гнев прошел. Она огляделась и заметила результат своей вспышки. – Извините. – Она нагнулась, чтобы поднять разбитую чашку.

– Нет, не надо, – сказала Рейн-Мари, подходя к ней.

Джулия выпрямилась с осколком чашки в руках, по ее пальцу стекала струйка крови.

– Извините.

Ее глаза наполнились слезами, подбородок задрожал. От ее ярости не осталось и следа. Она повернулась и выбежала через сетчатую дверь, оставив в комнате своих родственников, чьи головы вполне могли бы быть прибиты к старой бревенчатой стене. Если бы их загнали в угол, убили и выставили напоказ.

– Она порезала палец, – сказала Рейн-Мари. – Я принесу ей бинт.

– Не так уж сильно она и порезалась, – возразила Сандра. – Ничего с ней не случится. Перебьется.

– Я пойду с тобой, – сказал Гамаш и взял фонарик со столика у дверей.

Они с Рейн-Мари последовали за ярким лучом фонарика, который рыскал по грубым камням террасы, потом по траве. Они следовали за лучом и рыданиями и нашли Джулию на лужайке у опушки леса. Близ статуи.

– Все в порядке, – сказала Рейн-Мари, опускаясь на колено и обнимая Джулию.

– Нет... не... в порядке.

– Покажите мне, что у вас с рукой.

Исчерпав весь свой протест, Джулия подняла руку. Рейн-Мари осмотрела ее.

– Другую, пожалуйста. – Она нашла небольшой порез на пальце Джулии и промокнула кровь салфеткой. – Кровотечение прекратилось. Все будет в порядке.

Джулия рассмеялась, разбрызгивая капли изо рта и носа:

– Вы так считаете?

– Мы все, случается, злимся, мы все кричим и говорим вещи, которых вовсе не думаем, – сказала Рейн-Мари.

Гамаш протянул Джулии носовой платок, и она высморкалась.

– Я о них думала.

– Тогда вещи, которые говорить не следовало.

– Их следовало говорить.

Она брала себя в руки, латала раны, натягивала на них кожу, восстанавливала косметику, вечернее платье.

– Знаете, они меня никогда не простят. – Она встала, поправила платье, отерла слезы и сопли с лица. – У Морроу долгая память на такие вещи. Напрасно я вернулась. Нет, в самом деле глупо. – Она издала смешок. – Пожалуй, я уеду утром еще до завтрака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.